

Семантические роли и aktionsart в конструкциях с отглагольными существительными в русском языке

Samac, Leon

Master's thesis / Diplomski rad

2021

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:840193>

Rights / Prava: [Attribution-NonCommercial 4.0 International/Imenovanje-Nekomercijalno 4.0 međunarodna](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-07-30**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

***СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ И АКЦИОНСАРТ В КОНСТРУКЦИЯХ С
ОТГЛАГОЛЬНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Student: Leon Samac

Mentor: dr. sc. Branka Barčot, doc.

ak. god.: 2020./2021.

U Zagrebu, 6. listopada 2021.

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

***SEMANTIC ROLES AND AKTIONSART IN CONSTRUCTIONS HEADED BY A
DEVERBAL NOUN IN RUSSIAN***

Student: Leon Samac

Mentor: dr. sc. Branka Barčot, doc.

ak. god.: 2020./2021.

U Zagrebu, 6. listopada 2021.

Содержание

1. Введение	1
2. Аспектуальность	3
3. Семантические роли	14
4. Номинализация.....	22
5. Анализ.....	29
5.1 Методология.....	29
5.2 Анализ аспектуальности.....	32
5.3 Анализ семантических ролей.....	39
6. Заключение	49
7. Список литературы.....	52
8. Sažetak.....	55
9. Ključne riječi	55
10. Ключевые слова	55
11. Životopis.....	55

1. Введение

В настоящей работе рассматриваются две противоположные части речи – глаголы и имена существительные. Точнее, обсуждается гибридная категория слов, в которой совмещаются морфосинтаксические и семантические характеристики глаголов и имён существительных. В русском языке существуют два таких вида гибридных слов. Во-первых, существуют слова, формально являющиеся глаголами, но которые мотивированы существительным, как например глагол *приземлится*. Хотя отыменные глаголы заслуживают внимания, в данной работе они не анализируются – фокус будет на противоположных «гибридах». Речь идёт, конечно, об отглагольных существительных.

Общеизвестно, что глаголы обозначают разные виды ситуаций, например, состояния, отношения, действия и т.д. Существительные, наоборот, обозначают разные виды лиц, предметов и т.д., выполняющих какую-л. роль в ситуации, выраженной глаголом. Языковая действительность, как будет показано дальше в работе, на самом деле более сложна – данные значения глаголов и существительных являются только прототипными, что подчёркивается наличием в русском языке отглагольных существительных, обозначающих ситуации.

В нашей работе мы сосредоточимся именно на наличие либо отсутствие глагольных характеристик отглагольных существительных. Поэтому теоретические разделы в данной работе посвящены глаголам. Во втором разделе речь пойдёт о временных характеристиках глаголов, точнее, об аспектуальности глагола и даже целого предложения. Мы постараемся ответить на следующие вопросы: Что такое аспектуальность? Каким способом и на каких позициях в предложении она выражается? В третьем разделе в фокусе нашего внимания находятся семантические роли глаголов, т.е. следующие вопросы: Что такое семантические роли? Какие виды семантических ролей существуют? Как формы их выражения отличаются друг от друга? В четвёртом разделе работы рассматривается процесс деривации отглагольных существительных. Нас интересует, какие морфосинтаксические и семантические характеристики глаголов сохраняются при процессе деривации, и сохраняются ли они полностью или лишь частично. При этом мы обратим внимание на вышеупомянутые феномены аспектуальности и семантических ролей. В пятом разделе мы

проанализируем корпусные примеры отглагольных существительных, учитывая их аспектуальность и наличие семантических ролей.

2. Аспектуальность

Каждый глагол, как и любая лексема, обладает определённым значением или группой значений, т.е. тем, что называется лексическое значение лексемы. Кроме лексического значения, глаголы также обладают и набором их присущих грамматических значений. Например, грамматическая категория падежа является прототипной категорией имён существительных (*собака* > *с собакой*) и прилагательных (*большой* > *с большим*), но глаголы эту категорию формально не выражают. Формальными грамматическими категориями глагола (финитного, в роли сказуемого) являются, например, лицо (*смотрю* > *смотришь*) и число (*смотрю* > *смотрим*). Эти категории характеризуют и номинативные единицы и, действительно, формальное выражение этих категорий у глагола зависит от характеристик тех же категорий у подлежащего. Другими словами, подлежащее и сказуемое в русском языке согласованы. Категория рода также обнаруживается и в подлежащем, и в сказуемом, но только в прошлом времени (*смотрел* > *смотрела*). Остальные формальные грамматические категории глагола являются прототипными категориями предикатных единиц, хотя ситуация более сложна, поскольку в русском языке существуют и неглагольные лексемы, деривационно получены от глаголов, которые сохраняют некоторые из прототипных глагольных грамматических категорий – в этой работе существительные такого типа (*послание, поездка*) будут называться **девербативами**¹. Этот термин не будет относиться к отглагольным прилагательным (*заметный, неизбежный*) и отглагольным наречиям (*ползком*). Также, надо отметить, что категории причастий (*читающий, читавший, читаемый, читанный*) и деепричастий (*смотря, посмотрев*), хотя и выражают определённые морфосинтаксические характеристики прилагательного и наречия соответственно, считаются не разными лексемами, а словоформами глагольных лексем, как и инфинитив. Категория времени обязательно выражается в финитных глаголах (*смотрел* > *смотрю* > *буду смотреть*), а в инфинитиве (*смотреть*) и девербативов (*смотрение*) не может выразиться. С другой стороны, категория вида, в отличие от времени, выражена и в инфинитиве (*смотреть* > *посмотреть*) и, условно говоря, в некоторых девербативах, не выражающих время (*переписывание*).

¹ Термины *отглагольное существительное* и *девербатив* будут использоваться как взаимозаменяемые.

Грамматическими категориями глагола являются следующие: совершенный (*посмотреть*) / несовершенный (*смотреть*) вид, действительный (*Иван построил дом*) / страдательный (*Дом построен Иваном*) залог, изъявительное (*Ты пишешь письмо*) / повелительное (*Напиши письмо!*) / сослагательное (*Ты писал бы письмо, если бы у тебя был карандаш*) наклонение, прошлое (*смотрел*) / настоящее (*смотрю*) / будущее (*буду смотреть*) время, первое (*знаю*) / второе (*знаешь*) / третье (*знает*) лицо, единственное (*читаю*) / множественное (*читаем*) число, мужской (*слушал*) / женский (*слушала*) / средний (*слушало*) род (Шведова 1980: 583-641), но о форме их выражения и их значении здесь не будет речи. В фокусе внимания будут именно глагольные категории времени и вида.

Что касается значения, выраженного категориями времени и вида, то можно сказать, что и время, и вид относятся к определённым темпоральным признакам действия или состояния, содержащегося в лексическом значении. С одной стороны, время описывает действия как будто «извне», т.е. оно показывает отношение времени действия или состояния, выраженного предложением, к времени высказывания, т.е. к моменту речи. Надо подчеркнуть, что категория времени в принципе не зависит от лексического значения: каждое глагольное значение может описывать ситуацию в прошлом, настоящем и будущем (*читал > читаю > буду читать*). С другой стороны, категория вида выражает темпоральные признаки, связанные с протеканием действия – аспектуальные признаки, совокупность которых можно назвать **аспектуальность**. Например, В. Д. Климонов определяет аспектуальность как «характер протекания и распределения глагольного действия во времени, т. е. как внутреннюю темпоральную структуру глагольного действия» (2017: 57). *Строить* и *построить* отличаются друг от друга характером протекания: *строить* обозначает действие в «средней» фазе, а *построить* обозначает действие «в целом», законченное действие. Вид слова *строить* называется **несовершенным** видом, а слова *построить* – **совершенным**.

В исследованиях аспектуальности существует оппозиция *грамматический / лексический вид*. Оппозиция *несовершенный / совершенный вид* относится к грамматическому виду. Ю. С. Маслов утверждает, что «о виде уместно говорить только применительно к таким языкам, в которых те или иные аспектуальные значения [...] получают открыто (или чисто) грамматическое выражение» (2004: 28). Славянские языки, в

том числе и русский, обладают грамматическим видом: в большей части глагольной лексики обнаруживаются так называемые видовые пары: глаголы, совпадающие по лексическому значению, но отличающиеся друг от друга по виду. В цитате Маслова следует подчеркнуть фразу «те или иные аспектуальные значения». Здесь возникают два вопроса: во-первых, какие аспектуальные значения выражаются несовершенным и совершенным видами; во-вторых, какие формально не выражающиеся аспектуальные значения существуют в общем.

Чтобы ответить на первый вопрос, сначала надо ответить на второй. Второй вопрос, в свою очередь, требует определения разницы между открытой грамматикой, которая упоминалась выше, и скрытой грамматикой. Говоря о двух «типах» грамматики, Маслов пишет, что открытая грамматика связана с чисто грамматическими явлениями, т.е. с морфологическими в широком смысле слова формами, а скрытая грамматика связана с лексико-грамматическими явлениями, точнее, с синтаксическими сочетаниями и категориальными компонентами лексических значений (2004: 27-28). Об открытой грамматике упоминалось выше: категория времени, например, является чисто грамматической, поскольку время выражается морфологически, в рамках одной лексемы². Маслов пишет, что «те аспектуальные значения, которые получают скрытограмматическое выражение, т.е. выступают в качестве категориальных компонентов лексического значения глаголов, составляют систему аспектуальных классов и подклассов глагольной лексики» (там же). Другими словами, глагольную лексику можно разделить на отдельные аспектуальные классы, отличающиеся друг от друга по синтаксической сочетаемости – глаголы определённой аспектуальной классы сочетаются только с определёнными группами слов. Можно привести пример правила синтаксической сочетаемости, связанного с аспектуальным значением: глаголы совершенного вида не сочетаются с обстоятельством, выражающими продолжительность действия (**Иван долго написал книгу*). Из-за каких несовпадений в аспектуальном значении это предложение является неправильным?

Маслов пользуется тремя бинарными оппозициями при выделении аспектуальных групп глаголов. Во-первых, глаголы могут быть либо статическими, либо динамическими. Динамические глаголы обозначают «либо различные виды изменений, либо состояния, для

² Здесь имеются в виду и аналитические формы, напр. выражение будущего времени глаголов несовершенного вида двумя словами (*буду читать*).

поддержания которых требуется постоянный приток энергии» (Баклагова 2010: 242), а статические глаголы, наоборот, обозначают стабильные состояния (*Иван спит*) и отношения (*Иван любит Анну*). Маслов также выделяет и два подразделения состояний – «просто состояния» и «состояния в результате» (2004: 320-321), но оба подразделения являются статическими и в этой работе не будет обращать внимание на эту разницу. Во-вторых, динамические глаголы могут быть либо предельными, либо непредельными. Как пишет Ю. В. Баклагова, «некоторые лингвисты придерживаются точки зрения, что категория предельности / непредельности отражает общее представление о направленности / ненаправленности действия к внутреннему пределу, соответствующее процессам внеязыковой действительности» (2010: 241). Похожее толкование находится и у Маслова: «предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел. Обычно действие в своем протекании направлено к этому пределу и в случае его достижения должно исчерпать себя и прекратиться» (2004: 29). Другими словами, предельные глаголы обозначают такие действия, которые постоянным притоком энергии либо постепенно приближаются к своей внутренней цели (*строить дом / построить дом*), либо приближаются своей внутренней цели не постепенно, а внезапно (*искать / найти*). В обоих случаях важным является то, что цель не будет достигнута, если ей не предшествует период притока энергии. Термин предела, предельности и предельных глаголов будет более детально определен ниже; в этом моменте данное определение является достаточным. В-третьих, среди предельных глаголов Маслов выделил те, которые только направлены к пределу (*писать письмо*), и те, которые достигли предела (*написать письмо*) (2004: 319).

Надо отметить, что между этими тремя бинарными оппозициями – статический / динамический, предельный / непредельный, достигающий предела / не достигающий предела – существуют иерархические отношения: статические глаголы вообще не имеют категории предела, а следуя из этого у них отсутствует и категория достижения. Динамические глаголы, которые являются непредельными, также не имеют категории достижения. Таким способом получается система, в основе которой находится разница между состояниями (и отношениями) и действиями. Если те пары оппозиций, которые «открывают» оппозицию выше себя в иерархии, определяются как базовые (напр. если глаголы действия характеризуются наличием аспектуального значения динамичности [Д +],

а глаголы состояния характеризуются отсутствием этого значения [Д -]), то можно сказать, что применимость аспектуального значения выше в иерархии обусловлена наличием базового аспектуального значения ниже в иерархии. Эту систему можно иллюстрировать следующей таблицей (Таблица 1):

Д(инамический)	П(редельный)	Д(остигающий) П(редела)
-	0	0
+	-	0
+	+	-
+	+	+

Таблица 1

Наборы аспектуальных значений этих четырёх случаев на самом деле характеризуют четыре основных аспектуальных класса глаголов. К первому случаю относятся статические глаголы – их характеризует набор аспектуальных значений [Д -, П 0, ДП 0], но, поскольку только эти глаголы обладают значением [Д -], остальные значения в принципе не должны быть уточненными чтобы точно определить этот класс. Ко второму случаю относятся динамические неопредельные глаголы – им присущи аспектуальные значения [Д +, П -, ДП 0]. И снова, поскольку статические глаголы категории предельности вообще не имеют, а другие два случая отличаются друг от друга последней колонкой, данный класс глаголов можно минимально определить как [П -]. К третьему случаю относятся динамические предельные глаголы, не достигающие предела – их можно характеризовать набором аспектуальных значений [Д +, П +, ДП -]. Минимальным определением этого класса является [ДП -]. В конце, к четвёртому случаю относятся динамические предельные глаголы, достигающие предела – [Д +, П +, ДП +] – и их минимальным определением является [ДП +]. В этой работе, глаголы первого класса ([Д -]), как например *спать*, будут называться **состояниями**, глаголы второго класса ([П -]), как например *разговаривать* будут называться **действиями**, глаголы третьего класса ([ДП -]), например, *строить (дом)* будут называться **процессами**, а глаголы четвёртого класса ([ДП +]), например, *построить (дом)* – **событиями**.

Все эти классы здесь определены на уровне семантики, но какие способы их (открыто и скрыто) грамматического выражения? Чтобы дать ответ, кажется уместным начать с

оппозиции *достигающий / не достигающий предела*. Как пишет Маслов, эта оппозиция является семантической базой видовой оппозиции *совершенный / несовершенный* (2004: 34). Такое же мнение наблюдается и у Баклаговой: «глаголы совершенного вида – это глаголы, называющие действие как достигшее своего предела. Глаголы несовершенного вида – глаголы, не содержащие указание на достижение предела действия» (2010: 243). Формальным способом выражения семантической аспектуальной оппозиции *достигающий / не достигающий предела* является открыто грамматическая оппозиция *совершенный / несовершенный вид*. Следуя из этого, от глаголов состояния и действия не образуются формы совершенного вида, потому что у них отсутствует основное предусловие для его образования: только глаголы процесса могут образовать формы совершенного вида, потому что релевантность оппозиции *достигающий / не достигающий предела* обусловлена наличием внутреннего предела, т.е. значения [П +]. Как будет показано ниже, языковая действительность на самом деле является более сложной.

Оппозиция *предельный / непредельный* в русском языке не получает формального выражения. Непредельные глаголы, напр. глаголы ненаправленного движения, лексическое значение которых не указывает на внутренний предел, ничем морфологически не отличаются от предельных глаголов: *гулять, танцевать / читать (книгу), строить (дом)*. Кроме этого, и те, и другие сочетаются с обстоятельствами, выражающими продолжительность – *гулять десять минут / читать (книгу) десять минут* – и фазовыми глаголами – *начать гулять / начать читать (книгу)*. Оппозиция *статический / динамический* также формально не выражается в русском языке. Форма состояний не отличается от форм действий или процессов: *жить где два года / путешествовать два года / строить (дом) два года*. Очевидно, что, хотя бы в русском языке, некоторые из аспектуальных значений получают открыто грамматическое выражение, а другие не получают его. Такое мнение наблюдается и у Маслова: «аспектуальные классы [...] не обязательно маркируются какими-либо морфемными показателями. Хотя обычно в какой-то части случаев такая маркировка имеет место, в принципе они должны рассматриваться как явления скрытой грамматики» (2004: 325).

Выше было сказано, что действия не образуют формы совершенного вида, но правда ли это? Обсуждая оппозиции Маслова, Е. В. Горбова утверждает, что ««оппозиции,

занимающие два верхних уровня, релевантны для различных лексем (динамика/статика: *бежать* и *весить*; предельность / неопредельность: *переписывать* и *ходить*), противопоставление ДП/НДП предела чаще релевантно в рамках одной и той же лексемы» (2010: 149)³. Во-первых, в этой цитате интересным является то, что пары глаголов совершенного и несовершенного видов считаются словоформами одной основной лексемы, что совпадает с теорией Маслова – он отмечает, что в русском языке существуют суффиксы имперфективации, которые регулярно создают формы несовершенного вида, тождественные по лексическому значению форме совершенного вида, а отличающиеся от неё только аспектуальным значением, т.е. содержанием категории [ДП] (2004: 331). Таким способом, слова *переписать* и *переписывать* являются словоформами одной и той же лексемы, потому что их лексические значения одинаковы; кроме аспектуального значения [ДП -], суффикс *-ыва-* в этом случае никаких дополнительных значений не добавляет. Оппозиция *достигающий / не достигающий предела*, что касается разницы между формообразованием и словообразованием, является равной такими оппозициями, как например единственное / множественное число у номинативных (и предикативных) единиц. В русском языке также существуют и приставки перфективации, не добавляющие ничего кроме аспектуального значения. Например, слова *писать* и *написать* образуют видовую пару, потому что их лексические значения полностью совпадают – *написать* отличается от *писать* только по указанию на то, что внутренний предел достигнут, т.е. приставка *на-* в этом случае носит только аспектуальное значение [ДП +]. Если сопоставить слова *писать* и *переписать*, сразу очевидно, что первое слово грамматически несовершенно, а второе – совершенно, и что они являются однокоренными. Всё-таки, они не образуют видовую пару, поскольку *переписать* на самом деле можно определить как гипоним слова *писать*: действие, обозначено глаголом *переписать* является подвидом действия, обозначенного глаголом *писать*, т.е. оно обладает некоторыми дополнительными семантическими признаками; если кто-то переписывает что-то, то нужно значит, что он пишет что-то, но если он пишет что-то, из этого не следует нужно, что он переписывает что-то.

Во-вторых, Горбова считает, что оппозиция *предельный / неопредельный* релевантна для различных лексем, но Маслов утверждает, что «во многих случаях следует говорить о

³ Курсив автора – Л. С.

предельных и неопредельных значениях (одного многозначного глагола)» (2004: 388). Что здесь имеется в виду? Х. Й. Веркейл предложил, что аспектуальность определяется не только лексической аспектуальностью и грамматическим видом глагола, а и некоторыми другими элементами предложения (Verkuyl 1972; см. также Verkuyl 1993: 14-16; Татевосов 2015: 20), причём особое внимание обращал на аспектуальную роль прямого дополнения и утверждал, что псевдонепереходные глаголы («pseudo-intransitive verbs») дают возможность исследовать аспектуальную роль прямого дополнения. Такие глаголы, которые образуют грамматически полные предложения и при наличии прямого дополнения и при его отсутствии, существуют и в русском языке. Например, оба следующих предложения содержат глагол *читать* и оба являются грамматически правильными: (а) *Иван целое утро читал свою любимую книгу*; (б) *Иван целое утро читал*. В первом предложении, вместе с глаголом эксплицитно выражается его прямое дополнение, а ситуацию, обозначенную предложением, можно определить как процесс: в каком-то моменте Иван должен прочитать последнее предложение этой книги, и тогда ситуация чтения этой книги полностью исчерпает себя и заканчивается. Во втором предложении, наоборот, существуют две интерпретации: если объект(ы) чтения и его (их) количество заранее высказаны, то на самом деле речь идёт об эллипсисе и это предложение аспектуально не отличается от предложения (а). Если же речь идёт не об эллипсисе, а о непереходном использовании глагола *читать*, то меняется и аспектуальная интерпретация предложения, и количественная характеристика невыраженного дополнения. Такое предложение относится к классу действий, а объектом действия является неопределённое количество текста, т.е. того, что можно читать. Другими словами, такое предложение описывает чтение не как направленное к цели, а как действие, не обладающее внутренним пределом: в этом случае, Иван после одной книги начинает читать вторую, потом третью и так далее до того времени, когда ему больше не хочется читать книги. Эта разница подтверждает выше приведённое мнение Маслова, что оппозиция *предельный / неопредельный* формально не выражается; лексема *читать* выглядит одинаково в обоих случаях.

В этой работе до сих пор определены два вида трансформации аспектуального значения. Первым видом трансформации является трансформация категории [ДП] с помощью грамматических приставок и суффиксов перфективации и имперфективации. Приставка *на-* в слове *написать* меняет аспектуальную классу исходного глагола, потому

что превращает [ДП -] в [ДП +]. Суффикс *-ыва-* в слове *описывать*, наоборот, меняет аспектуальную классу, превращая [ДП +] в [ДП -]. Сейчас важным является не направление трансформации, а именно факт, что эта трансформация связана с категорией [ДП] и её участниками являются глаголы, для которых эта категория релевантна: процессы и события. Псевдонепереходные глаголы являются отличными примерами второго вида трансформации аспектуального значения: при непереходном использовании переходных глаголов, как и переходном использовании с прямым дополнением неопределённого количества, категория [П +] становится [П -]. Существует ли эта трансформация и в другом направлении? По мнению Маслова, «во многих случаях глагол, неопределённый в абсолютном употреблении, становится предельным в сочетании с дополнением (определённого типа) или с обстоятельством цели (границы) движения» (2004: 315). Например, глагол ненаправленного движения *кататься* всё-таки может интерпретироваться предельно если вместе с ним выражена цель движения: *Иван любит кататься до озера и обратно*. Видно, что при выражении обстоятельства цели [П -] превращается в [П +]. Возможны ли трансформации, превращающие состояния в процессы указанием на временной предел или продолжительность? Теория, использованная в этой работе, такие случаи не разрешает, потому что предусловием релевантности более высоких в иерархии оппозиций является наличие базового значения (напр. [П+]) в более низких в иерархии оппозиций. Поскольку оппозиция *предельный / неопределённый* требует [Д +], предложения как например «Иван будет спать до утра / два часа» на самом деле являются неопределёнными.

Понятие предела требует дополнительного выяснения, потому что не все пределы одинаковы. Обсуждая этот термин, А. В. Бондарко выделяет несколько «видов» предельных оппозиций. Во-первых, он упоминает разницу между внутренним и внешним пределами, причём внутренний предел обозначает предел, о котором до сих пор шла речь в этой работе – предел, обусловленный самой природой действия в широком смысле, а внешний предел является границей, которая «не зависит от характера самого действия и обуславливается внешними по отношению к нему факторами (такими, как указание на предельный срок, а также наступление другого действия)» (1987: 46-50). Другими словами, каждая ситуация имеет внешний предел, поскольку в каком-то моменте должна прекратиться, но внутренний предел имеет только часть ситуаций. Если при процессе внешний предел является первым, а внутренний предел вторым, то можно сказать что процесс исчерпался не полностью, а

только частично. Во-вторых, Бондарко упоминает разницу между реальным и потенциальным пределами. Реальный предел связывается с событиями, т.е. со значением реально достигнутого предела, а потенциальный предел связывается с процессами. В-третьих, рассматривается разница между абсолютным и относительным пределами: «одни действия, фиксируемые формами СВ в полноте данного их проявления (*Издержки сократились* и т.п.), могут иметь дальнейшее продолжение, другие же действия данным (фиксируемым) своим проявлением (*Он уже надел пальто; Запасы иссякли*) исчерпывают себя полностью и дальнейшего продолжения иметь не могут» (Бондарко 1987: 50). Так, совершенный вид в русском языке можно связать с реальным внутренним, абсолютным либо относительным, пределом, а несовершенный вид с потенциальным внутренним, абсолютным либо относительным, пределом.

Для Маслова аспектуальные классы не являются самым дробным уровнем, а на самом деле он считает, что аспектуальные классы «дробятся на более мелкие подразделения — аспектуальные подклассы или так называемые способы действия.» (Маслов 2004: 30). Некоторыми из способов действия, приведённые Масловым, являются дистрибутивный (*пооткрывать*), ингрессивный (*закричать*), итеративный (*бывать*) и так далее (там же: 31-32). Но три вышеприведённых аспектуальных оппозиции, *статический / динамический, предельный / не предельный, достигающий / не достигающий предела*, не являются достаточными для полного описания аспектуального значения этих способов действия. Маслов делит аспектуальные значения на значения качественной аспектуальности и значения количественной аспектуальности (2004: 312-321). К качественной аспектуальности относятся динамичность, предельность и достижение предела. Кроме этих, Маслов к этой группе относит и фазисную детерминация, которую не включает в схему иерархических отношений. Дальше, Маслов отмечает, что «выделение конечной фазы действия практически часто сливается со значением достижения предела», а «выделение срединной фазы, т. е. «интрагерминальное» рассмотрение действия [...] соответственно сливается со значением недостижимости предела, незавершенности» (2004: 321). Что касается выделения начальной фазы действия, оно относится к уровню способов действия. Здесь надо подчеркнуть, что такое более слабое грамматическое выражение начальной границы связано с тем фактом, что каждый глагол, обозначающий срединную фазу, на самом деле содержит импликацию начальной границы – состояния, действия и процессы

должны когда-то начаться. К количественной аспектуальности Маслов относит категорию кратности (однократные (*стукнуть*) / многократные (*есть*) глаголы), затем категорию длительности (длительные (*строить*) / мгновенные (*построить*) глаголы), и в конце категорию интенсивности («нормальные» / ослабленные (*покашливать*) / усиленные (*наестся*) глаголы). У Маслова эти категории – в отличие от категорий качественной аспектуальности (за исключением фазисной детерминации) – являются не бинарными, но он не утверждал, что этот факт является критерием выделения количественной аспектуальности в отдельную группу. Хотя она является важной частью аспектуальности в целом, количественная аспектуальность в этой работе не будет больше обсуждаться.

Аспектуальные классы, полученные иерархическим комбинированием значений качественной аспектуальности (см. Таблицу 1), т.е. состояния ([Д -]), действия ([П -]), процессы ([ДП -]) и события ([ДП +]), в остальной части этой работы будут называться ***aktionsarten***. *Aktionsart* глагола понимается как своего рода временные рамки, определяющие природу развития ситуации, содержащейся на семантическом уровне. Некоторые элементы рамок определяются только значением глагола, например, оппозиция *статический / динамический*, некоторые определяются взаимодействием глагола и остальных аспектуально значимых членов предложения, например, неопределённое количество прямого дополнения и обстоятельства цели, а остальные определяются открыто грамматической оппозицией *достигающий / не достигающий предела*.

3. Семантические роли

Лингвисты пользуются понятием семантических ролей под разными названиями и не всегда с совсем идентичным содержанием по крайней мере с 1960-х годов. Одним из основоположников современного изучения **семантических ролей** можно считать Ч. Филлмора, который в рамках порождающей грамматики предложил, что «существует большое количество семантически релевантных синтаксических отношений, включающих в себя имена существительные и их содержащие структуры, что эти отношения [...] в значительной степени являются скрытыми, но тем не менее могут быть эмпирически обнаружены, что они образуют определенный конечный набор [...]. Я буду называть их падежными отношениями» (Fillmore 1968: 25)⁴. Он считал, что предложение в принципе состоит из глагола и одной или более именных групп, каждая из которых находится в падежном отношении с глаголом, и именно эта идея кажется основой последующих теорий семантических ролей. Хотя в начале падежные отношения определялись Филлмором как синтаксические элементы, уже в 1977-ом году он относит падежные отношения к уровню семантики (Fillmore 1977: 60). В многочисленных работах это понятие менялось, расширялось и было использованным для описывания разнообразных и разноуровневых явлений в языке, поэтому следует подробнее определить его.

Хорошим отправным пунктом попытки определить семантические роли кажется метафора Л. Теньера, который сравнил предложение с «маленькой драмой», в которой обязательно есть свое действие, а также часто свои действующие лица и обстоятельства» (Шустова, Смирнова 2015: 120). Например, в предложении *Иван быстро съел суп ложкой* существует основное действие, обозначенное глаголом *съесть*, существуют действующие лица: *Иван*, который является лицом, осуществляющим действие, *суп*, который является объектом, на который действие направлено, и *ложкой*, которая является инструментом осуществления действия; в конце, существует и обстоятельство, *быстро*, описывающее способ протекания действия. На самом деле, эти элементы не все одинаковы, они отличаются друг от друга по своим семантическим и синтаксическим характеристикам. Теоретическая основа, в рамках которой будет рассматриваться феномен семантических

⁴ Перевод автора – Л. С.

ролей, в большей степени будет базироваться на теории валентности слов, изложенной Я. Г. Теселцем.

Тестелец с самого начала подчеркивает существование у лексем двух разных видов валентности: семантической и синтаксической валентности. **Семантической валентностью**, т.е. партиципантом, глагола⁵ он называет любую переменную, которая входит в толкование этого глагола (Тестелец 2001: 158), причём разные глаголы требуют разного числа партиципантов. Глагол *лежать* требует только одного партиципанта – тот (или то), кто лежит – а глагол *покупать* требует большое количество партиципантов – тот, кто покупает; предмет, который покупают; деньги, которыми осуществляется покупка; тот, у кого покупают. Конкретное содержание семантических валентностей глагола *покупать* не определяется глагольной лексемой, потому что эту лексему можно использовать несмотря на вид объекта покупки, количество денег и характер действующих лиц, но применение этой лексемы к описанию ситуации обуславливается существованием этих четырёх элементов ситуации. Тестелец называет семантическими актантами «те языковые выражения, которыми заполняются валентности L в предложении, в которое L входит» (2001: 160). Семантическую валентность можно рассматривать как своего рода способность лексемы, благодаря её семантике, сочетаться с другими лексемами, которые выполняют точно определённую роль в описании ситуации, а семантического актанта – как конкретное заполнение семантической валентности лексемой либо группой в высказывании. Например, в предложении *Иван купил машину у Игоря*, *Иван*, *машина* и *Игорь* являются семантическими актантами, связанными с семантическими валентностями покупателя, покупаемого и продавца соответственно.

Синтаксическая валентность определяется Теселцем как «селективный признак, который указывает, что лексема L может иметь в качестве вершины или в качестве зависимого слово W (или составляющую фразовой категории C)» (2001: 162), причём валентность на зависимое он называет **активной**, а на вершину – **пассивной** валентностью. Как и семантическую валентность, синтаксическую валентность можно считать способностью связаться, но теперь с определённым числом синтаксических единиц. Что

⁵ Тестелец приписывает валентность не только глаголам, а и другими частями речи, например, прилагательным и предлогам.

касается конкретной реализации активной синтаксической валентности, Тестелец выделяет два вида: синтаксическим **актантом** называется единица, заполняющая активную синтаксическую валентность и в то же время соответствующая партиципantu, а **сирконстантом** называется единица, не соответствующая партиципantu, но заполняющая активную синтаксическую валентность (2001: 166). Что имеется в виду, когда утверждается, что сирконстанты не соответствуют партиципантам? Т.е., какая разница между семантическими отношениями к глаголу синтаксических актантов и сирконстантов? С. В. Шустова, обсуждая теорию С. Д. Канцельсона, пишет, что субъектно-объектные функции характеризуют глагол изнутри, «выделяя непосредственно «замешанные» в обозначенном им действии предметы, а обстоятельства «характеризуют глагол как бы извне, указывая на локальные, темпоральные, каузальные и другие условия протекания глагольного действия» (2011: 31). Конечно, здесь исходной точкой являются синтаксические функции, т.е. субъект, объект и обстоятельства, но эта цитата всё-таки является полезной, потому что разделяет семантические элементы на предметы и условия. Ситуация, обозначенная вышеупомянутым глаголом *покупать*, например, должна на самом деле случиться когда-то и где-то. Однако, эти элементы являются не в семантическом фокусе глагола *покупать*. Тестелец предлагает, что «всякий глагол, обладает синтаксической валентностью на обстоятельства [...] однако эта синтаксическая валентность не соответствует никакой семантической валентности» (2001: 166-167). Как будет показано, не является верным утверждать, что обстоятельства, т.е. единицы, определяющие условия действия, никогда не соответствуют партиципantu.

Тестелец дальше предлагает, что «партиципantom, очевидно, следует считать не всякого необходимого участника [...] но лишь те из них, которые имеют в каком-то смысле более важное значение» (2001: 169), но определить только на семантических основаниях именно какие участники являются более важными, более центральными для глагола, является весьма трудоёмкой задачей. Поэтому, Тестелец обращает внимание на синтаксические валентности и подчёркивает, что они «существенно отличаются друг от друга по степени обязательности реализации в предложении» и выделяет обязательные синтаксические валентности, заполнение которых «влечет грамматическую неправильность» и необязательные, заполнение которых не влияет на грамматическую правильность (2001: 172). Эта классификация частично совпадает с классификацией С. М.

Кибардиной, которая всё-таки вместе с синтаксической обязательности элементов пользуется и семантической обязательностью. Как пишут Шустова и Е. А. Смирнова, эта классификация выделяет содержательно и структурно обязательные элементы, содержательно обязательные и структурно необязательные элементы и содержательно необязательные элементы (2015: 125). И в этой классификации также наблюдается проблема отделения содержательно обязательных от содержательно необязательных элементов, поскольку и одни и другие являются структурно необязательными, т.е. содержательную обязательность элемента невозможно определить, учитывая только грамматическую правильность предложения при наличии либо отсутствии этого элемента.

Чтобы уточнить понятие сирконстанта, Тестелец замечает, что «форма актанта обычно определяется селективными признаками его вершины — предикатного слова, а форма сирконстанта обычно определяется только его собственным значением и той частью речи, к которой принадлежит вершина» (2001: 186-187). Например, чтобы выразить, что болезнь является причинной чего-то, говорящий может сказать, что это случилось *из-за болезни / по причине болезни / потому, что кто-н. болел* и так далее (Тестелец 2001: 185). Форма актантов, наоборот, не меняется: объект покупки с глаголом *покупать* выражается всегда и только винительным падежом. Те зависимые актанта, форма которых определена глаголом, Тестелец называет управляемыми, а зависимые, форма которых не определяется глаголом, он называет неуправляемыми (2001: 189). Актанты относятся к группе управляемых зависимых, причём они могут быть либо обязательными, либо необязательными. Необязательные неуправляемые зависимые являются сирконстантами, а обязательные неуправляемые зависимые – **адъектами**. Адъектами чаще всего являются обстоятельства места с глаголами местонахождения (*находиться где*) и обстоятельства цели с глаголами направленного движения (*добраться до чего*). Хотя эти адъекты не обозначают участников ситуации, они всё-таки заполняют семантическую валентность.

Возвращаясь к метафоре Теньера, Тестелец пишет, что «каждый «актер» играет ровно одну «роль» и каждая «роль» может быть сыграна только одним «актером»», или, в рамках его теории, один и тот же партиципанта не выражается двумя актантами, а один актанта не выражает два разных партиципанта, за исключением глаголов с взаимным и возвратным значениями (2001: 207). Таким образом, не существуют глаголы, которые

требуют два актанта, заполняющих семантическую роль активного лица, напр. **Иван читал книгу Игорь*, где Иван и Игорь вместе обозначаются как читающие. Как отмечает Тестелец, актанты с одинаковыми ролями неспособны к несочиненному употреблению; в то же время, «сочиняться могут, как правило, лишь актанты с одной и той же ролью» (2001: 211). Этим правилом объясняется, кроме вышеприведённого примера, и грамматическая неправильность предложения **Иван съел суп и ложкой*. Применение этого правила в принципе позволяет определить число разных актантов, адъектов и сирконстантов глагольной лексики.

При обсуждении актантов до сих пор речь шла о ролях, которые эти актанты играют в рамках конкретных лексем. Если сопоставить роли актантов большого числа глаголов, то можно обнаружить существование типичных ролей, т.е. «типичное, часто повторяющееся семантическое отношение участника по отношению к глаголу» (Тестелец 2001: 207). Примером такой типичной роли, которая наблюдается в практически каждом инвентаре ролей, является семантическая роль агенса, хотя подробности определения этой роли не полностью совпадают у всех авторов. Прототипным агенсом можно считать лицо, которое осознанно и намеренно вызывает осуществление действия. Очевидно, что кроме агенса должны существовать и другие семантические роли, но к сожалению, их число и характеристики трудно определить. Как упоминает О. А. Кукатова, «список семантических ролей, предложенный Ч. Филлмором, позднее изменился как в количественном, так и в качественном отношении [...] В целом варьирование количества и состава семантических ролей объясняется отсутствием единых критериев их выделения» (2021: 91). Конечно, это относится не только к Филлмору, а является проблемой исследования семантических ролей в общем. Обсуждая эту тему, И. А. Матросова пишет, что существуют критерии, относящиеся к семантической характеристике актантов, как например одушевлённость или направление действия к субъекту, и критерии, относящиеся к семантическим особенностям предикатов, как например стативность или акциональность (2009: 154).

Шустова даёт пример инвентаря ролей, предложенного В. В. Богдановым, в котором роли разделяются на три группы с точки зрения одушевлённости: роли, заполняемые только одушевлёнными актантами (агентив, пациентив, бенефициатив, экспериенсив), роли,

заполняемые только неодушевлёнными актантами (объектив, инструментатив, медиатив, элементатив), и роли, заполняемые либо одушевлёнными, либо неодушевлёнными актантами (перцептив, композитив, ономасиатив, локатив, дескриптив, результатив) (2011: 32-33). Здесь следует сделать несколько замечаний. Во-первых, оппозиция *одушевлённость / неодушевлённость* не является порождающим элементом этого инвентаря; эта оппозиция сама по себе образует две или три роли – одушевлённую, неодушевлённую и несвязанную с одушевлённостью роли. На самом деле, три группы ролей выделены только после выделения самих ролей. Во-вторых, роли агентива и элементатива с одной стороны, и пациентива и объектива с другой, отличаются друг от друга только наличием одушевлённости, но, если использовать критерий сочетаемости, то можно увидеть, что предложения как например *Иван кулаком ударил стену и Игоря* являются грамматически правильными, что указывает на совпадение семантических ролей актантов *стену* и *Игоря*. Конечно, любой из этих актантов может быть прямым дополнением глагола *ударить*, т.е. этот глагол не требует одушевлённости, как ни неодушевлённости, от участника, на которое действие направлено. Кажется, что в большом количестве случаев, отношение актанта либо к пациентивам, либо к объективам, определяется после заполнения семантической валентности конкретным выражением, т.е. не является основным элементом категории пациентива / объектива. В-третьих, в инвентаре находится семантическая роль локатива, но, как упоминает Матросова, эту роль можно разделить на источник, маршрут и цель (2009: 154). Предположением о существовании только одной пространственной роли разрешаются предложения как например **Иван добрался от дома*, но глагол *добраться* требует не роли места в общем, а именно роли цели. Также, роли маршрута и цели не употребляются с сочинительным союзом: **Иван ездил через город и в лес*.

Упомянув, что невозможно составить полный список семантических ролей, Тестелец перечисляет следующие роли: агенс, пациенс, бенефактив, экспериенцер, стимул, инструмент, средство, адресат, источник, маршрут, цель, причина, результат – причём некоторые из них более подробно определены, чем другие (2001: 213-214). Этот инвентарь в большой степени совпадает с инвентарем Богданова, особенно в виде более центральных ролей. Такая ситуация наблюдается в большинстве инвентарей – совпадение в центральных ролях и расхождение в периферийных ролях. Тестелец определяет агенс как одушевлённого инициатора действия, но неодушевлённый инициатор действия – элементатив в

классификации Богданова – вообще не упоминается. Пациенс объединяет роли пациентива и объектива, потому что в его толковании одушевлённость не играет роль.

Не претендуя на исчерпывающую полноту, в настоящей работе будет употребляться следующий инвентарь ролей: агенс – участник, который осуществляет действие и контролирует его; эффектор – участник, который является источником, центром действия, но не контролирует его; пациенс – участник, который претерпевает качественное, количественное либо экзистенциальное изменения; тема – участник, который перемещается либо находится где-либо; объект – участник, который является посредственной целью действия, но претерпевающий менее значительных изменений либо не претерпевающий никаких изменений; бенефактив – участник, который получает пользу, вред либо предмет в результате осуществления действия; инструмент – участник, которым пользуются для осуществления действия, но который не изменяется; экспериенцер – участник, в сознании которого осуществляются сознательные процессы, восприятия и ощущения; стимул – участник, который является источником сознательных процессов, восприятия и ощущений; место; источник; маршрут; цель; время; срок; причина; результат; способ. Конечно, совпадение с вышеупомянутыми инвентарями не полно: Тестелец и Богданов разделяют роль инструмента на инструмент (инструментатив) и средство (медиатив); в этом инвентаре нет ролях адресата, ономасиатива, композитива, и дескриптива. Этим не отвергается теоретическая возможность их релевантности для определённых глаголов, а только является результатом нужного ограничения числа ролей в анализе.

Сейчас можно заметить, что некоторые из приведённых ролей очень часто появляются вместе, т.е. образуют типичные **ролевые группы**. Например, роли экспериенцера и стимула чаще всего выступают вместе: *Иван* (экспериенцер) *смотрел фильм* (стимул); *Иван* (экспериенцер) *любил Анну* (стимул). Можно выделить и ролевую группу агенса, темы и цели либо бенефактива: *Иван* (агенс) *положил книгу* (тема) *на стол* (цель); *Иван* (агенс) *дал книгу* (тема) *Анны* (бенефактив). В конце, существует и самая типичная ролевая группа агенса и пациенса: *Иван* (агенс) *съел суп* (пациенс); *Иван* (агенс) *построил дом* (пациенс); *Иван* (агенс) *ударил Игоря* (пациенс). Типичные ролевые группы играют большую роль в значении как глагола, так и предложения в целом: как отмечает Матросова, «значение глагола определяется тем, в какие падежные окружения он способен

входить» (2009: 148-149). Здесь речь идёт о значении глагола, т.е. о его лексико-семантическому содержанию, но, поскольку лексемы часто обладают более, чем одним значением, надо подчеркнуть, что «многозначный глагол потенциально может функционировать в различных типах ситуации и окружать себя различными наборами участников» (Шустова, Смирнова 2015: 120). Например, глагол *провести* употребляется с хотя бы тремя ролевыми группами: *Иван* (агенс) *провёл исследование* (пациенс); *Иван* (агенс) *провёл гостей* (тема) *в дом* (цель); *Иван* (агенс) *провёл зиму* (срок) *в Франции* (место).

В конце, надо подчеркнуть, что инвентарь ролей в этой работе применим не только по отношению к семантическим валентностям, т.е. к синтаксическим актантам, а и к адъектам и сирконстантам тоже. Хотя такие семантические роли, как например роль причины, в принципе не являются семантическими валентностями, они всё-таки находятся в каком-либо семантическом отношении с глаголом и остальной частью предложения. В своей статье, Е. Г. Кузнецова употребляет понятия актанта и сирконстанта «в смысле семантического представления элементов ситуации (актанты) и отражают такие семантические отношения, как пространственные, темпоральные, причинно-следственные, качественные и другие (сирконстанты)» (2009: 82). К элементам ситуации можно отнести роли агенса, эффектора, пациенса, темы, объекта, экспериенцера, стимула, инструмента и бенефактива; к пространственным отношениям – роли места, источника, маршрута и цели; к темпоральным отношениям – роли времени и срока; к причинно-следственным – роли причины и результата; к качественным – роль способа.

4. Номинализация

До сих пор понятия аспектуальности и семантических ролей обсуждались в рамках глагольной лексики. Аспектуальность рассматривалась как набор аспектуальных значений глагола и аспектуально значимых выражений, заполняющих синтаксические валентности глагола. Семантические роли рассматривались как типичные семантические отношения актантов, адъектов и сирконстантов к глаголу. При анализе этих явлений, внимание обращалось прежде всего на скрытую грамматику, т.е. на синтаксические сочетаемости. Если снова воспользоваться метафорой Теньера (см. раздел 3), набор семантических ролей вместе с обозначенным действием определяют «маленькую драму», а аспектуальность определяет временные характеристики этой драмы и привлекает внимание на определённую фазу в развитии ситуации. А. С. Мамонтов и Е. Ю. Мамонтова выражают мнение, что глагол является «базовым, первичным способом обозначения предикатов (в семантическом смысле), то есть действий, состояний, отношений, процессов» (2012: 51). Противоположной частью речи являются существительные, которые чаще всего заполняют семантические роли глагола. Что касается их роли в обозначении предикатов, Мамонтов и Мамонтова считают существительные вторичными, «они представляют собой „сжатие“ — номинализацию — целых предложений» (2012: 51). Какие существительные имеются в виду? Обычные существительные (если их можно так назвать), как например *стол*, не являются сжатием никакого предложения. Отглагольные существительные же действительно обозначают, либо могут обозначать, ситуацию, содержащуюся в значении исходной глагольной лексемы.

Отглагольные существительные (девербативы) в этой работе определяются как существительные, являющиеся результатом присоединения деривационного аффикса к глагольной базе. Существует большое количество деривационных аффиксов, образующих отглагольные существительные, но самыми частотными являются суффикс *-ниj(e)/-тиj(e)* (*разрушить – разрушение; прибыть – прибытие*), суффикс *-к(a)* (*обработать – обработка*) и нулевой суффикс (*ударить – удар*) (Пазельская 2009: 66). Будучи существительными, они отличаются «от глагола по своим синтаксическим и морфологическим возможностям» (Мамонтов, Мамонтова 2012: 51). Что касается их морфологических признаков, отглагольные существительные обладают категориями рода (*удар* – мужской род; *разрушение* – средний род), числа (*обработка / обработки*) и падежа (*разрушение / нет*

разрушения). На уровне предложения они выполняют те роли, которые выполняют обычные существительные, как например подлежащее (*Завтра начнётся лечение*) и дополнение (*Учёные провели исследование*). Глаголы, конечно, не имеют этот набор морфологических признаков и не заполняют эти позиции в предложении. Девербативы на уровне открытой грамматики можно отнести к существительным, но если посмотреть их внутренние валентности, то можно увидеть, что они «характеризуется кластерным набором конституирующих признаков имени существительного и глагола» (Мамонтов, Мамонтова 2012: 52). Такой или похожей точки зрения на природу отглагольных существительных придерживаются и другие исследователи: Г. Л. Лузина пишет, что «гибридная природа имен действия обуславливает противоречивое сосуществование двух начал: субстантивного и глагольного» (2001: 113). Обсуждая синтаксические характеристики отглагольных существительных, она выделяет связи внутреннего и внешнего синтаксиса, и замечает, что «присловное распространение девербатива обеспечивает необходимую полноту представления отображаемой ситуации. Глагольные имена действия наследуют семантические валентности производящих (мотивирующих) глаголов» (Лузина 2001: 118-119; см. также Искандарова 2014: 179). Другими словами, актанты, адъекты и сирконстанты мотивирующего предложения выражаются зависимыми отглагольного существительного. Именно в этом состоит глагольная характеристика отглагольных существительных. Е. Э. Пчелинцева к скрытой грамматике относит не только синтаксическую сочетаемость, а и трансформационные возможности и предлагает, что «семантическая структура производного слова содержит скрытые семы», которые сохраняются при синтаксическом словообразовании (2012а: 63).

Существуют два главных взгляда на вопрос характера деривации девербативов. Как пишет Пчелинцева, в порождающей грамматике в начале «конструкции с номинализациями интерпретировались как результат трансформационной (синтаксической) деривации», но потом они стали рассматриваться как «феномен лексической, а не трансформационной (синтаксической) деривации», поскольку отглагольные существительные не содержат многие категории, которыми обладает глагол, например, время и вид (2012б: 290-291). Однако, даже если отглагольные существительные не обладают открытограмматической

категории вида⁶, в конструкциях с отглагольным существительным могут выражаться аспектуальные признаки. В этой работе такие конструкции будут называться **номинализациями** (напр. *чтение книги вечером*), а термин *отглагольное существительное* (*девербатив*) будет употребляться только для вершины номинализаций (напр. только слово *чтение* в конструкции *чтение книги вечером*). Также, номинализациями будут называться только конструкции с отглагольным существительным и одним или более зависимым от существительного элементом.

В работе Пчелинцевой предлагается, что аспектуальная семантика глаголов отличается от аспектуальной семантики отглагольных существительных, и что эти существительные обладают только аспектуальностью «определяемой акциональным классом глагола» (2016: 110). Это значит, во-первых, что у отглагольных существительных не существует обязательное выражение грамматического вида. Во-вторых, это значит, что аспектуальные значения переносятся не в форме конкретных способов действия либо *aktionsart*, а в форме отдельных «семантических признаков результативности, кратности, процессуальности, интенсивности, перфектности, фазовости в имплицитном и эксплицитном виде» (Пчелинцева 2012: 293). Другими словами, речь идёт не о простом виде, а о деривационных видовых понятиях (там же). Следуя из этого, можно ожидать, что отглагольные существительные обладают не *aktionsart*, а отдельными аспектуальными значениями, в число которых входят и оппозиции *статический / динамический, предельный / не предельный* и *достигающий / не достигающий предела*. Но, если отглагольные существительные «за немногими исключениями лишены формальных средств выражения видовых различий» (Пчелинцева 2012: 294), то по крайней мере аспектуальная оппозиция *достигающий / не достигающий предела*, осуществлённая в морфологической оппозиции *совершенный / несовершенный вид*, выражается вне рамки самой лексемы, а именно с помощью элементов, заполняющих активные и пассивные валентности отглагольного существительного. Такое же заключение наблюдается и у Пчелинцевой: «наличие аспектуальной семантики может быть приписано девербативу при условии существования таких контекстов, в которых его структурно-семантическая специфика является аспектуально безразличной» (там же). т.е. контекстов сочетания с аспектуально

⁶ Но см., напр., суффикс *-ыв-* в отглагольном существительном *переписывание*.

значимыми словами. Кроме оппозиции *достигающий / не достигающий предела*, вышеупомянутая трансформация [П -] в [П +] также указывает на большую роль синтаксическо-семантических связей между отглагольным существительным и его окружением для строения аспектуальных значений. Именно поэтому при анализе семантической ролей в настоящей работе внимание будет обращено на номинализации, а не самостоятельные отглагольные существительные. Однако, исходя из характера выражения аспектуальности, причём имеется в виду влияние элементов как внутренних, так и внешних валентностей, адекватный анализ аспектуальности отглагольных существительных в принципе не требует заполненных внутренних валентностей. Другими словами, в анализе будут наблюдаться и примеры не номинализаций, а самостоятельных отглагольных существительных в аспектуально значимых контекстах, где аспектуально значимые слова находятся синтаксически выше отглагольного существительного.

Пчелинцева выделяет имперфективные и перфективные семы у отглагольных существительных и как основной критерий для определения наличия тех или иных схем предлагает сочетаемость с фазовыми глаголами по причине абсолютной сочетаемости с ними глаголов несовершенного вида и абсолютной несочетаемости глаголов совершенного вида (там же: 294-295). Кроме фазовых глаголов, аспектуально значимыми словами, указывающими на наличие имперфективных сем, являются прилагательные со значением повторяемости или длительности (*ежедневная, длительная*) и предлоги *в продолжение* и *по мере*, а наличие перфективных сем определяется сочетаемостью с «адъективными показателями совершения действия разом, в один прием (моментальное, полное, неожиданное, мгновенное), с результативными глаголами (совершить, осуществить, произвести, совершиться, осуществиться, произойти)» (там же). Сейчас надо заметить, что актанты, адъекты и сирконстанты чаще всего выражаются как зависимые отглагольного существительного⁷, а аспектуальность строится как с помощью активных валентностей (*длительное лечение*) так и с помощью пассивных валентностей (*Началось лечение; конец исследований*).

⁷ Хотя актанты могут выражаться и элементами, не прямо синтаксически связанными с отглагольным существительным: *Иван закончил работу*.

А. Г. Пазельская и С. Г. Татевосов задают вопрос, почему номинализации «систематически обнаруживают больше синтаксических и семантических возможностей и соблюдают меньше ограничений, чем полные предикации» (2008: 348) и в качестве примеров приводят следующие факты: дистрибуция глаголов определяется их видом, а отглагольные существительные не имеют такого ограничения; глаголы совершенного вида являются предельными, точнее достигающими предела, а номинализации, как например *написание письма*, могут употребляться с несовершенным значением: «*написание письма продолжалось все утро, но закончить так и не удалось*» (там же). Приводятся и другие примеры, но эти являются самыми важными для настоящей работы. Пазельская и Татевосов выражают мнение, что отглагольные существительные проще, чем глаголы: при построении отглагольных существительных «задействована не вся синтаксическая структура, представленная в полных предикациях» (там же). Это подтверждается, например, грамматической правильностью употребления отглагольных существительных, образованных от глаголов процесса, без эксплицитного выражения его прямого дополнения: *Учёный исследовал климат* / **Учёный исследовал* / *Исследование оказалось длительным*.

Что касается факторов, релевантных для аспектуальности отглагольных существительных, Пчелинцева упоминает предельность / неопредельность глагольной основы (в этой работе – оппозиция *достигающий / не достигающий предела*), глагольные суффиксы и приставки имперфективации и перфективации и тип словообразовательного суффикса (2016: 116). Каким способом определяется грамматический вид глагольной основы, которой принадлежит отглагольное существительное? В ряде случаев достаточно легко определить вид основы: например, приставка *о-* указывает на то, что основой лексемы *описание* является именно глагол совершенного вида *описать*. Но к какой основе отнести лексему *решение*: *решать* или *решить*? Пазельская и Татевосов замечают, что «отглагольные существительные имеют общий морфологический показатель с пассивными причастиями [...] Это подтверждается одинаковой дистрибуцией показателей причастия - (е)н-/-т- и существительного -(е)ниј-/-тиј- (если пренебречь единичными исключениями)» (2008: 3). Также, Пазельская пишет, что в случае совпадения форм отглагольного существительного без окончания *-ие* и краткой формы страдательного причастия прошедшего времени речь идёт о основе совершенного вида (2012: 252). Следуя из этого, *решение* нужно отнести к глаголу *решить*: его краткая форма страдательного причастия

прошедшего времени, *решён*, и основа лексемы *решение*, *решен-*, одинаковы. Относительно аффиксов имперфективации и перфективации, анализ Пчелинцевой показал, что наличие имперфективного суффикса «безусловно способствует усилению аспектуальной семантики длительности и снижает вероятность их употребления в контекстах с выраженной перфективной семантикой», однако отсутствие имперфективного суффикса «в большинстве случаев не препятствует их употреблению в имперфективных контекстах» (2015: 18). Картина становится более сложной если учесть существование видовых пар отглагольных существительных (*лечение*, *излечение*), но в то же время, Пчелинцева обнаружила 414 таких пар; следовательно, «в большинстве случаев носитель языка не располагает двумя именными вариантами названия действия, которые могли бы точно охарактеризовать его с точки зрения процессуальности, длительности или завершенности, результативности» (2015: 19). В конце, тип словообразовательного суффикса также влияет на аспектуальные характеристики отглагольного существительного. В этой работе упомянулись три разных суффиксов: нулевой суффикс (*удар*), суффикс *-к(а)* (*обработка*) и суффикс *-ниј(е)/-тиј(е)* (*разрушение*, *прибытие*). В отношении последнего, Пчелинцева отмечает, что «суффикс *-ниј(е)* усиливает статус сем длительности или повторяемости» (2012: 299). Именно отглагольные существительные, образованные этим суффиксом, будут предметом анализа в следующей части, а причиной является их частотность: как пишет Пазельская, «эта модель сильно превосходит по продуктивности все остальные модели деривации отглагольных существительных, а существительные, образованные с ее помощью, в несколько раз частотнее существительных, образованных по другим моделям» (2009: 77).

Остаётся ещё только обратить внимание на семантику отглагольных существительных, потому что семантика, а именно полисемия, влияет на сочетаемость с аспектуально значимыми словами, актантами, адъектами и сирконстантами. Примером классификации отглагольных существительных в соответствии с аспектуальными компонентами являются следующие категории: «: 1) состояния (залегание, расположение); 2) деятельности и неопредельные процессы (рыдание, прогулка); 3) предельные действия и предельные процессы (длительно-результативные) (рассмотрение, увядание); 4) градативы (усиление, повышение); 5) мгновенные переходы и события (приход, удар)» (Пчелинцева 2016: 111). К первой категории можно отнести *aktionsart* состояния ([Д -]), к второй категории *aktionsart* действия ([Д +]), к третьей и четвёртой – процессы ([П +]), а к пятой –

события ([ДП +]). Интересным является тот факт, что формальный вид существительного и его семантика не всегда совпадают: *расположение* и *рассмотрение* семантически относятся к группам состояний и процессов соответственно, хотя эти лексемы образованы от глаголов совершенного вида, т.е. глаголов событий, *расположить* и *рассмотреть* (см. *расположен*, *рассмотрен*). Что касается общих семантических классификаций отглагольных существительных, Пчелинцева приводит «1) типовое название ситуации, в котором сохраняются глагольные валентности (работа, бег, производство); 2) существительные со значением результата (царапина, пролом); 3) существительные со значением кванта действия (гребок, поклон); 4) актантные существительные разных типов (со значением субъекта (водитель), объекта (еда), места (жилье), инструмента (борона), средства (замазка), способа (походка)» (там же: 110; см. также Лузина 2001: 115). У первой и третьей группе наблюдаются аспектуальные характеристики, а у второй и четвёртой группе – актанты, адъекты и сирконстанты, т.е. единицы, играющие семантические роли.

Мамонтова и П. В. Морослин утверждают, что «девербативы выделяются в особенную группу не только по синтаксической функции и категориальному значению, но и по способности развивать полисемию, в которой довольно показательной является связь с мотивирующей основой» (2012: 5). Вышеприведённые категории субъекта, объекта, места, инструмента и так далее являются яркими примерами роли основы: все эти значения имплицитно содержатся в значении мотивирующего глагола, или, словами Мамонтовой и Морослина, «наиболее регулярными являются модели, построенные на основе метонимического переноса» (там же). Похожий взгляд наблюдается и у Г. К. Касимовой, которая утверждает, что «первое, основное значение существительного сохраняет значение мотивирующего глагола и обозначает опредмеченное действие или состояние; остальные же лексико-семантические варианты (ЛСВ) полисеманта приобретают предметное значение» (2008: 36). Исходя из семантической разницы между основным значением и ЛСВ, можно предположить: во-первых, что основное значение по крайней мере способствует усилению аспектуальных признаков обозначенного действия, а ЛСВ, следуя из характеристик их денотатов, в принципе отличаются отсутствием аспектуального значения (например, инструмент не обладает временными характеристиками, а ситуация, в которой этот инструмент играет роль, ими обладает); во-вторых, что основное значение может выражать в своём окружении больше участников и обстоятельств ситуации, чем ЛСВ.

5. Анализ

5.1 Методология

Целью настоящей части работы является выяснение ключевых вопросов и методологической основы исследования. В теоретической части в фокусе были феномены скрытой грамматики⁸: аспектуальность и семантические роли в контексте глагольной и отглагольной лексики. Аспектуальность, как было показано, строится на уровнях выше самого глагола, но, конечно, глагол играет центральную роль, потому что им определяется возможность либо невозможность выражения других аспектуально значимых единиц. Семантические роли таким же способом обнаруживаются в синтаксическо-семантических связях между глаголом и его зависимыми членами. Другими словами, исследование аспектуальности и семантических ролей требует относительно широкого ракурса.

Аспектуальность рассматривалась как набор значений, определяющих внутренний временной характер обозначенной ситуации. Опираясь в большей части на теорию Маслова, мы разделили глаголы на состояния ([Д -]), действия ([П -]), процессы ([ДП -]) и события ([ДП +]). Также, мы определили два типа аспектуальных трансформаций: трансформация [ДП] с помощью суффикса чисто аспектуального значения (*писать / написать; переписать / переписывать*) и трансформация [П] с помощью наличия либо отсутствия элементов, указывающих на предел ситуации (*читать прозу / читать письмо*). Поскольку динамичность является условием для предельности, в этой теоретической рамке не допускается трансформация глаголов состояния в предельные глаголы.

Семантические роли рассматривались как типичные семантические отношения элементов предложения к глаголу. На семантическом уровне можно выделить роли участников и роли обстоятельств, а на синтаксическом уровне – актанты, адъекты и сирконстанты, отличающиеся друг от друга по характеристикам обязательности / необязательности и управляемости / неуправляемости. Также отмечено существование типичных ролевых групп, как например группа ролей агенса и пациенса. В таком понимании семантических ролей метафора «драмы» (см. раздел 3) сыграла большую роль. В настоящей работе семантические роли и аспектуальность понимаются как элементы, которые

⁸ Конечно, и открытая грамматика играет роль (имеется в виду аффиксальная перфективация / имперфективация).

определяют, во-первых, участников и обстоятельства ситуации, а во-вторых, временные характеристики этой ситуации и момент в развитии ситуации, на который обращается внимание.

При деривации отглагольных существительных и целых номинализаций эти характеристики не полностью теряются: отглагольные существительные способны эксплицитно выражать имплицитно существующие актаны, адъекты и сирконстанты, а также и находиться в аспектуально значимых окружениях. Основной целью нашего анализа будет: - показать на каких уровнях и какими средствами выражаются аспектуальность и семантические роли у отглагольных существительных; - каким способом *aktionsart* глагола влияет на аспектуальные характеристики отглагольного существительного и влияет ли вообще; - какие семантические роли могут выражаться у отглагольного существительного. Для анализа в корпусе *Russian Web 2011 (ruTenTen11)* выбрано 30 самых частотных отглагольных существительных с суффиксом *-ние*⁹. Сопоставительный анализ с корпусом *Russian Web 2017 (ruTenTen17)* показал, что самые частотные отглагольные существительные этого типа в большей степени те же самые. Полный список самых частотных отглагольных существительных в этих двух корпусах приведён в следующей таблице (Таблица 2):

<i>Russian Web 2011 (ruTenTen11)</i>	<i>Russian Web 2017 (ruTenTen17)</i>
решение	решение
отношение	отношение
управление	управление
внимание	использование
образование	состояние
использование	внимание
состояние	образование
создание	создание
изменение	исследование
течение	изменение
исследование	движение
движение	течение
проведение	значение
требование	требование
положение	положение

⁹ В работе не анализируются отглагольные существительные с суффиксом *-тие*, потому что он является алломорфом суффикса *-ние*. Следуя из этого, можно ожидать, что они обладают одним и тем же аспектуальным значением.

направление	направление
мнение	проведение
оборудование	применение
значение	оборудование
применение	лечение
население	мнение
помещение	название
название	помещение
обеспечение	знание
здание	обеспечение
питание	содержание
лечение	население
предложение	заболевание
знание	основание
учреждение	обучение

Таблица 2

Следуя из значительно большего числа слов в корпусе *Russian Web 2011* (14 553 856 113), чем в корпусе *Russian Web 2017* (9 034 837 939), именно *Russian Web 2011* выбран для настоящего анализа.

Выделив самые частотные лексемы, мы определили грамматические виды и *aktionsart* их глагольных основ¹⁰, как и их партициптанты (ролевые группы), причём фокус был на центральных ролях. Имея в виду большое количество разных лексем, с помощью которых выражаются аспектуальность и семантические роли, автоматически искать релевантные для настоящего анализа примеры является непрактичным. Поэтому для каждой лексеммы мы посмотрели около 200 примеров из корпуса *Russian Web 2011*, среди которых выбрали около 10 примеров употребления девербатива вместе с его актантами, адъектами либо сирконстантами и/или аспектуально значимыми словами. Во-первых, мы определили наличие либо отсутствие аспектуальных сем, и, в случае их наличия, их тип – имперфективный либо перфективный. Во-вторых, мы определили выраженные семантические роли.

¹⁰ Формальный способ определения базового глагола оказался не применим в случае лексем *здание* и *движение*. В современном русском языке не существует глагол **здать*; что касается лексем *движение*, её основа (*движен*) не соответствует кратким формам пассивного причастия глаголов *двигать* (*двиган* - **двигание*) и *двинуть* (*двинут* - **двинутие*).

Надо ещё подчеркнуть, что наш анализ является не количественным, а качественным. Мы обратили внимание не столько на относительную частотность тех или иных аспектуальных значений или семантических ролей, а на факт возможности их выражения. Дальше, целью данного раздела работы является не полный анализ выбранных лексем, а демонстрация аспектуальности и семантических ролей как языковых феноменов в контекстах деривации, причём выбранные лексемы просто являются адекватной базой для настоящего исследования. Поэтому в анализе будут обсуждаться не все примеры и не все лексемы: примеры будут употребляться для обсуждения аспектуальности и семантических ролей. В итоге мы решили проанализировать только следующие лексемы: *знание, требование, лечение, исследование, образование, предложение, направление, изменение, проведение.*

5.2 Анализ аспектуальности

Среди исходных 30 лексем мы обнаруживали все возможные *aktionsarten* базового глагола, в том числе и среди 9 репрезентативных лексем: *знание, требование, лечение, исследование, образование, предложение, направление, изменение, проведение.* Во-первых, к состояниям можно отнести базовый глагол существительного *знание* (> *знать*). Во-вторых, к действиям можно отнести базовый глагол существительного *лечение* (> *лечить*). Следуя из трансформации [П], эта же лексема может относиться и к *aktionsart* процессов, в зависимости от наличия выражений, обозначающих предел (*Иван лечит людей гипнозом* [действие] / *Врач лечит Ивана от туберкулёза* [процесс]). В-третьих, базовые глаголы совершенного вида автоматически относятся к событиям, как например *проведение* (> *провести*). В конце, наблюдаются и двувидовые базовые глаголы, как например, *исследование* (> *исследовать*), которые, в зависимости от условий употребления, могут оказаться либо событиями в совершенном виде, либо процессами или действиями в несовершенном виде. Также надо отметить и возможность статического либо динамического аспектуального толкования базового глагола лексемы *требование*: глагол *требовать* является динамичным (действием либо процессом) если субъектом выражается одушевлённый участник (*Мать требовала объяснения у ребёнка*), но если субъектом выражается неодушевлённый участник (*Эта работа требует большого опыта*), ситуация толкуется как состояние.

Основным вопросом, конечно, являются не аспектуальность и *aktionsart* базовых глаголов, а именно их выражение в деривационных контекстах. Анализом аспектуальных характеристик отглагольных существительных и номинализаций получают следующие группы: отглагольные существительные, не употребляющиеся в аспектуально значимом окружении и существительные, которые в таких окружениях употребляются. Вторая группа дальше разделяется на существительные, употребляющиеся в несовершенных окружениях и существительные, которые употребляются как в несовершенных, так и в совершенных окружениях.

Что касается первой группы, такие отглагольные существительные условно можно назвать аспектуально нейтральными существительными. Среди 9 репрезентативных лексем наблюдаются 3 аспектуально нейтральных существительных: *знание*, *требование* и *предложение*. Для каждой из этих лексем будут приведены примеры аспектуально нейтрального употребления:

(1) Собственно для понимания текста, снабженного такими подсказками, **знание грамматики** уже не нужно - и так все будет понятно (*ruTenTen11*).

(2) детальный анализ сайта на предмет соответствия его страниц, структуры, содержимого и ряда технических параметров **требованиям поисковых систем** (*ruTenTen11*).

(3) И вот на страницах блога выходит **предложение купить** очередной инфопродукт – мануал «Всё о ТИЦ» (v1) – теория и практика (*ruTenTen11*).

Формальных средств выражения аспектуальности (перечисленных Пчелинцевой либо им похожих по аспектуальному значению) в этих примерах нет, однако, следует подчеркнуть тот факт, что лексема *знание*, базой которой является глагол состояния *знать*, может толковаться лишь как обозначающая состояние, поскольку на уровне *aktionsart* не существуют трансформации, связанные с состояниями. Пример (1) можно парафразировать как «Знать грамматику уже не нужно» либо «Уже не нужно, чтобы X знал грамматику». Утверждение, что при деривации переносятся только отдельные аспектуальные значения, кажется неверным, по крайней мере относительно глаголов состояния. Этот факт обуславливается иерархической организацией значений качественной аспектуальности. Что

касается примера (3), его можно парафразировать как «X предлагал купить» либо «X предложил купить», т.е., контекстом не определяется идёт ли речь о имперфективном или перфективном значении: обе интерпретации возможны. Надо отметить, что к этой группе относятся формально несовершенные (*знать, требовать*) и совершенные (*предложение*) девербативы, т.е., грамматический вид базового глагола не влияет на возможность употребления в аспектуально нейтральных окружениях. Существуют и примеры аспектуально нейтрального употребления девербативов, которые могут выступать и в аспектуально значимых окружениях, например:

(4) В Средневековье разлука с родиной студентов пугала, теперь скорее радует. Но каковы практические преимущества **образования за рубежом** (*ruTenTen11*).

Во второй группе, как уже сказано, существуют две подгруппы, в зависимости от их способности употребляться в совершенных контекстах. Среди 9 репрезентативных лексем наблюдаются 2 отглагольных существительных, использованных только в несовершенных контекстах, *лечение* и *направление*:

(5) тканей с параллельным наблюдением за кровотоком назвали пульсогеоиндикацией. И как же **происходит процесс лечения** (*ruTenTen11*).

(6) Освещается современное состояние нового **бурно развивающегося направления** в теории детерминированного хаоса - теории фракталов в приложении (*ruTenTen11*).

В примере (5) имперфективные семы выражаются с помощью двух элементов: во-первых, вершиной слова *лечение* является слово *процесс*, которое указывает на длительность обозначенной ситуации – эта характеристика несовместима с аспектуальным значением совершенного вида. Имперфективная характеристика усиливается с помощью глагола *происходить*, которым подчёркивается процессуальность ситуации. Деепричастие *развивающийся* в примере (6) также указывает на значение [ДП -], т.е. ситуация представлена как будто в одной из этап своего развития. Имперфективные семы можно найти и с девербативами второй подгруппы:

(7) по мере удаления от компактного вещества астрономического тела можно рассматривать как следствие **постепенного изменения** термодинамических параметров окружающих его атмосферы и космосферы (*ruTenTen11*).

В этом примере, прилагательное *постепенное* играет похожую аспектуальную роль как и причастие *развивающийся* в примере (6) – ним подчёркивается длительность и процессуальность обозначенной ситуации.

В конце, ко второй подгруппе относятся лексемы *исследование, образование, изменение* и *проведение*. Только примеры с перфективным аспектуальным значением будут приведены:

(8) **По окончании исследования** через 2-5 мин (в зависимости от индивидуальных особенностей) происходит пробуждение пациента (*ruTenTen11*).

(9) посыпать перцем, прибавить к нему растопленное сливочное масло, грецкие орехи, чеснок и тщательно **перемешать до образования** однородной массы (*ruTenTen11*).

(10) обязан извещать соответствующие территориальные органы Пенсионного фонда Российской Федерации о **произведенных изменениях** (индексациях) размеров денежных выплат, перечисленных в части 2 настоящей статьи (*ruTenTen11*).

(11) Базовые критерии оценки основных итогов и последствий PR-деятельности компании **по итогам проведения** коммуникационного аудита компании (*ruTenTen11*).

В примерах (8) и (11), значение составных предлогов *по окончании* и *по итогам* требует законченности ситуации, т.е., требует [ДП+]. Похожая ситуация наблюдается и в остальных примерах. Пример (9) можно парафразировать как «перемещать до того момента, когда полностью образуется однородная масса». В примере (10) также усиливаются перфективные семы с помощью причастия *произведенный* – можно предположить, что размеры денежных выплат не изменялись, а именно изменились, т.е. достигли конца

процесса изменения. Нужно отметить, что, хотя лексемы *исследование* и *образование*, базовые глаголы которых являются двувидовыми, употребляются в обоих аспектуальных контекстах, не кажется верным сделать вывод, что такие отглагольные существительные всегда могут употребляться в таких контекстах – среди исходных 30 лексем, существуют два двувидовых девербатива (*оборудование, использование*), которые в анализированных примерах вообще не употреблялись в аспектуально значимых окружениях.

Анализ примеров из корпуса показал, что возможность употребления отглагольного существительного в аспектуально значимых окружениях не обусловлен *aktionsart* базового глагола, за частичным исключением глаголов состояния – эти глаголы не способны образовать формы совершенного вида из-за отсутствия [Д +], поэтому предполагается, что, по крайней мере, не могут употребляться в аспектуально перфективных окружениях. Хотя теоретически они могли бы употребляться в аспектуально имперфективных окружениях, в настоящем анализе такие примеры не наблюдаются. Дальше, кажется весьма интересным отсутствие отглагольных существительных, употребляющихся только в перфективных окружениях. Другими словами, система в этом моменте является несимметричной, хотя основные теоретические предположения настоящей работы такую ситуацию не предсказывают. Здесь можно воспользоваться замечанием Пчелинцевой в связи с аспектуальным значением суффикса *-ние* – им усиливаются имперфективные семы длительности и повторяемости, т.е. является более вероятным, что девербативы с суффиксом *-ние* будут употребляться в имперфективных контекстах.

Следует подчеркнуть и существование примеров, в которых наблюдаются совместное выражение и имперфективных и перфективных сем:

(12) **В ходе проведённого исследования, которое длилось 15 лет**, учёные были заняты поиском средства для уменьшения побочных эффектов антиопухолевого (*ruTenTen11*).

(13) В апреле 2009 г. система AdRiver **провела ежегодное исследование, в ходе которого** были собраны данные об использовании различных версий flash-проигрывателя веб-сёрферами Рунета (*ruTenTen11*).

В примере (12), выражения *в ходе* и *которое длилось 15 лет* указывают на процессуальность и длительность, т.е. на наличие имперфективных сем, однако, причастие *проведённый* указывает на законченность ситуации, т.е. на наличие перфективных сем. Практически такая же ситуация наблюдается и в примере (13). Если совместное наличие противоположных аспектуальных сем не разрешается теорией, то часть этих выражений на самом деле не являются аспектуально значимыми. В этом случае, надо определить какие именно выражения являются аспектуально значимыми, а какие не являются такими, либо в таких контекстах теряют способность влияния на аспектуальность. Если же совместное наличие разрешается, то надо определить на каких уровнях строится аспектуальная интерпретация отглагольного существительного: существует ли одна глобальная аспектуальная интерпретация существительного или существительное получает отдельные аспектуальные интерпретации в отдельных словосочетаниях. В каждом случае, такие примеры требуют дополнительного исследования.

Также надо отметить, что полисемия отглагольных существительных играет большую роль по отношению к аспектуальным характеристикам лексем: если в конкретном высказывании денотатом отглагольного существительного является не ситуация в целом, а один из участников, отглагольным существительным не могут выражаться аспектуальные значения, потому что временными характеристиками обладают не участники, а сама ситуация. Например, денотатом лексемы *население* в словосочетании *население Сибири* чаще всего является не процесс, а агенс процесса: «Люди [агенс] населили Сибирь [пациенс]». Можно сказать, что процесс населения существует до того момента, как все люди (либо животные) пришли, либо как вся территория полностью занята. После этого, процесс населения больше не существует, но люди существуют – их существование не обусловлено рамками самого процесса.

Как уже сказано, аспектуальность строится как на уровне отглагольного существительного и его зависимых, так и на уровнях выше отглагольного существительного. Что касается показателей имперфективных сем, к ним можно отнести следующие: на уровне отглагольного существительного и номинализаций наблюдаются такие прилагательные, как например *постепенное, длительное, долгое*; на уровнях выше существительного наблюдаются глаголы *происходить, проходить, проводить(ся)*,

начинаться, начать, ускорять, меняться, развивать(ся), затем предлоги *при, во время, в ходе, до начала, по мере*; в конце, существительные *процесс, начало*. К показателям перфективных сем относятся глаголы *провести, произвести, быть вызванным*, предлоги *после, по окончании, с момента, до* (см. пример 9), и существительные *результат* и *итог*. Конечно, здесь не утверждается, что этот список является полным, а только что эти выражения надо причислить к списку аспектуально значимых слов.

В конце, можно предложить несколько перспективных направлений для исследования аспектуальности в деривационных контекстах. Во-первых, кажется уместным расширить число аспектуальных значений: надо учитывать значения качественной аспектуальности и значения количественной аспектуальности. Другими словами, следует сделать анализ более подробным и обратить внимание на способы действия. Во-вторых, надо расширить число анализируемых девербативов. Среди 30 исходных лексем в настоящем анализе, часть употребляется как элемент сложных предлогов (*в течение, по отношению*), и кажется по крайней мере небесспорным, если в таких случаях уместно говорить о наличии аспектуального значения. Можно сформулировать следующую гипотезу: те отглагольные лексем, которые являются менее частотными, имеют больше шансов быть употребленными в прямом деривационном значении, которое способно выражать аспектуальное значение. В-третьих, надо расширить число примеров употребления каждой из лексем, чтобы подтвердить либо опровергнуть вышеупомянутую асимметричность аспектуальных контекстов (аспектуально нейтральных контекст, имперфективных контекст, имперфективных и перфективных контексты), но также чтобы обнаружить дополнительные примеры совместного выражения противоположных аспектуальных сем. В-четвёртых, очень полезным кажется точно определить условия отношения лексем либо выражения к аспектуальной группе: какими словами усиливаются имперфективные семы, а какими словами – перфективные семы. Сейчас можно сделать ещё одну гипотезу: аспектуально значимые слова будут слова, значения которых соответствуют каком-н. из аспектуальных значений (динамичность, предельность, кратность, длительность и т.д.). В конце, надо обратить внимание и на другие деривационные суффиксы (нулевой суффикс, *-ка*): как отмечает Пчелинцева, суффиксы также влияют на аспектуальное значение отглагольного существительного. Поэтому, можно ожидать, что при наличии других суффиксов, отглагольные существительные могут употребляться только в

перфективных окружениях – ситуация, которая не наблюдается в анализируемых примерах с суффиксом *-ние*. Другими словами, последняя гипотеза касается аспектуального значения деривационных суффиксов: разные деривационные суффиксы будут разрешать / запрещать либо усиливать наличие или отсутствие имперфективных / перфективных аспектуальных характеристик.

5.3 Анализ семантических ролей

Анализ семантических ролей оказался одновременно более простым и более сложным. С одной стороны, семантические роли выражаются на уровне номинализации, а элементы синтаксически выше девербатива в принципе не являются релевантными относительно его семантических ролей, в отличие от аспектуальности, которая строится на обоих уровнях. Также, имея в виду тот факт, что список аспектуально значимых слов является открытым (по крайней мере в этом моменте), становится очевидным, что не всегда понятно на какие языковые элементы надо обращать внимание. С другой стороны, неформальные определения семантических ролей, в отличие от *aktionsarten*, построенных на иерархических аспектуальных оппозициях, часто затрудняют отношение языковых единиц к той или иной семантической роли.

В первой части настоящего раздела будут приведены и анализированы примеры выражения семантических ролей в номинализациях с репрезентативными девербативами: *знание, требование, лечение, исследование, образование, предложение, направление, изменение, проведение*. Как и в предыдущем разделе, не будут обсуждаться все примеры из корпуса. Лексемы будут группированы по ролевым группам, хотя точный набор ролей в ролевых группах трудно определить (см. раздел 3). Во второй части настоящего раздела пойдёт речь о выводах анализа и общих замечаниях, касающихся теоретических основ семантических ролей и проблем при процессе определения семантических ролей языковых единиц в конкретных примерах.

Среди репрезентативных лексем, наблюдаются 4 лексемы, характеризующиеся ролевой группой агенса и пациенса, причём объём ролевой группы не одинаков у всех лексем. Девербатив *изменение* образован от глагола *изменить*, а с ним выражаются роли агенса и пациенса: *Иван [агенс] изменил свои привычки [пациенс]*. Следующие примеры продемонстрируют наблюдаемые семантические роли и способ их выражения:

(14) Уметь учитывать **изменения оборотного капитала в денежном потоке** проекта (*ruTenTen11*).

(15) Удивительные **изменения в моей жизни** происходят каждый день, и это всё благодаря Елене (*ruTenTen11*).

(16) Крупные **общественные изменения начинаются с «малого»**, с индивидуального (*ruTenTen11*).

В примере (14) родительным падежом выражается пациент, а предложным дополнением в предложном падеже – (метафорическое) место. Пациент в примере (16) выражен не родительным падежом, а прилагательным – этот пример можно парафразировать как «изменения общества» либо «изменения в обществе», причём деривационной базой является предложение «X изменил общество», т.е. «Общество изменилось». Пример (15) указывает на то, что морфосинтаксическая форма выражения не всегда ясно указывает на семантическую роль. Предложным дополнением в примере (14) обозначается обстоятельство место, что подтверждается наличием пациента в родительном падеже. Однако, этой же формой в примере (15) выражается не место, а именно пациент: «Моя жизнь изменяется каждый день». В корпусе не нашлось примеров, в которых наблюдается агент.

Глагол *образовать* – база deverбатива *образование* – обладает двумя основными значениями: 1. создать, организовать; 2. обучить (Ушаков). Эти же значения обнаруживаются и у deverбатива *образование*:

(17) История компании "Konica-Minolta" начинается с **образования в Токио (Япония) в 1873 г. фирмы "Konishi Honten"** (*ruTenTen11*).

(18) «Учебно-исследовательским центром **образования работников** топливно-энергетического комплекса» (при университете имени И.М. Губкина) (*ruTenTen11*).

(19) Но каковы практические преимущества **образования за рубежом** (*ruTenTen11*).

В примере (17) наблюдается достаточно широкая группа семантической ролей: место и время выражаются предложными дополнениями в предложном падеже без сочинительного

союза, а пациенс имеет форму родительного падежа. Пациенс также выражается родительным падежом в примере (18), хотя здесь речь идёт о втором значении базового глагола. обстоятельство места в примере (19) получает форму предложного дополнения, но не в предложном, а в творительном падеже – падежная форма обуславливается не значением глагола, а предлогом. Как и в случае лексемы *изменение*, в корпусе агенс не наблюдается.

Лексема *лечение* (> *лечить*) обладает ролями агенса и пациенса, но в то же время существуют ещё две центральные роли – объект и инструмент. Однако, если посмотреть на разные способы употребления глагола *лечить*, точное определение семантических ролей становится сложнее. Во-первых, *лечить* может употребляться следующим способом: *Врач* [агенс] *лечит Ивана* [пациенс] *от кашля* [объект] *лекарствами* [инструмент]. Во-вторых, роли пациенса и объекта могут поменяться: *Врач* [агенс] *лечит кашель* [объект] *у Ивана* [пациенс] *лекарствами* [инструмент]. В-третьих, пациенс может стать субъектом: *Иван* [пациенс] *лечит кашель* [объект] *у врача* [агенс] *лекарствами* [инструмент]. В-четвёртых, инструмент также может стать субъектом, причём агенс и пациенс не выражаются: *Лекарства* [инструмент] *лечат кашель* [объект]. В этом анализе предполагается, что семантические роли актантов не меняются при таких морфосинтаксических вариантах, однако, это предположение небесспорно. На этот вопрос здесь не дадим ответ. Далее приведём примеры употребления deverbatива *лечение* из корпуса:

(20) В наше время, чтобы облегчить боль, доступны таблетки и лекарства, их используют для **лечения разных недомоганий**, которые могут испытывать люди (*ruTenTen11*).

(21) В 2008 году было привлечено 2 500 000 рублей, которые были направлены на **лечение детей** (*ruTenTen11*).

(22) хорошая подготовка обеспечивает необходимый результат проводимого **лечения алкоголизма при помощи эмоционально-стрессовой терапии** (*ruTenTen11*).

(23) ребенок проходил **лечение от злокачественной опухоли печени** сначала в РДКБ, потом в Университетской клинике Мюнхена (*ruTenTen11*).

(24) советы, приметы, заговоры, **лечение сырыми соками**, тибетская рецептура питания (*ruTenTen11*).

В примере (20) родительным падежом выражается объект лечение, но надо отметить, что пациенс также выражается, но не на поверхностном уровне номинализации, а в атрибутивном предложении *которые могут испытывать люди* [пациенс]. Пациенс наблюдается и в примере (22), вместе с инструментом. Родительным падежом в примере (21) обозначается уже не объект, а пациенс. Объект в примере (23) употребляется в форме предложного дополнения в родительном падеже. Как и в примере (20), здесь пациенс обнаруживается не на уровне номинализации, а в позиции субъекта предложения. В конце, творительным падежом выражается инструмент в примере (24).

Глагол *провести* (> *проведение*) имеет три разных значения: 1. сопровождая, дать возможность кому-н. пройти; 2. осуществить; 3. пробыть где-л. (Ушаков). В отличие от глагола *образовать*, у которого также наблюдается полисемия, с разными значениями глагола *провести* выражаются разные ролевые группы: с первым значением выражаются агенс, тема и цель (*Иван* [агенс] *провёл гостей* [тема] *в кухню* [цель]), с вторым – агенс и пациенс (*Иван* [агенс] *провёл исследование* [пациенс]), а с третьим – агенс, срок и место либо способ (*Иван* [агенс] *провёл неделю* [срок] *на деревне* [место] / *отдыхая* [способ]). Всё-таки, в корпусе обнаружили только примеры с вторым значением и ролевой группой агенса и пациенса:

(25) Линия технического контроля (ЛТК) необходима для **проведения государственного технического осмотра** автомобиля (*ruTenTen11*).

(26) Руководители предприятий и организаций, которые уже устраивали **проведение для своих сотрудников корпоративного Нового года**, знают, что организация такого мероприятия представляет собой (*ruTenTen11*).

(27) Надувной щит отлично подходит для **проведения презентаций на природе**, как дублирующий видео экран сцены, для массового видео показа (*ruTenTen11*).

В каждом из этих трёх примеров пациенс выражается родительным падежом. В примере (26) вместе с пациенсом обнаруживается и семантическая роль бенефактива в форме предложного дополнения в родительном падеже, причём падежную форму определяет предлог. В примере (27) отсутствует бенефактив, но предложным дополнением в предложном падеже выражается обстоятельство места. Снова, в примерах не наблюдается агенс.

Ролевые группы следующих лексем характеризуются отсутствием пациенса, но кроме этого их ролевые группы отличаются друг от друга. Сначала будет проанализирована лексема *исследование*, частью ролевой группы которой являются агенс и объект (*Иван* [агенс] *исследовал сленг* [объект]):

(28) По опыту своей жизни уже и сам прихожу к таким выводам, а тут ещё и **исследования учёных** их подтверждают (*ruTenTen11*).

(29) **Исследование о Пандекте** Антиоха XI в., находящемся в Воскресенской Ново-Иерусалимской библиотеке (*ruTenTen11*).

(30) это визуальное **исследование верхних отделов** желудочно-кишечного тракта (*ruTenTen11*).

В примере (28) родительным падежом выражается агенс, а в примере (30), наоборот, этой формой выражается объект. Как видно из примера (29), объект также получил форму предложного дополнения в предложном падеже. В отличие от предыдущих лексем, выражение роли агенса с лексемой *исследование* наблюдается в корпусе.

Глагол *предложить* (> *предложение*) обладает семантическими ролями агенса, объекта и бенефактива (*Иван* [агенс] *предложил Игорю* [бенефактив] *чай* [объект] / *посмотреть фильм* [объект]). Как будет показано, способы их выражения в номинализациях достаточно сложны:

(31) абсолютно все поддержали **предложение Роберта начать** разрабатывать собственный план (*ruTenTen11*).

(32) **Ваше предложение о продаже** вполне сможет стать лучшим на рынке недвижимости (*ruTenTen11*).

(33) Понятным становится **предложение к владыке**, высказанное некоторыми членами экспедиции, **об основании** здесь монастырей (*ruTenTen11*).

(34) Дороговата, конечно, сама квартира по общей стоимости получается, но при таком обилии **предложений от банков**, наверное, все реально (*ruTenTen11*).

(35) В отчетах пишут о тех **предложениях туристам**, которые шагнули на тропу путешествия через турфирмы (*ruTenTen11*).

Агнс выражается в примерах (31), (32) и (34) формами родительного падежа, личного местоимения и предложного дополнения в родительном падеже соотнositельно. Также, в примере (33) агнс наблюдается в позиции зависимого причастия (*высказанное некоторыми членами*). Далее, объект выражается с помощью инфинитива в примере (31) и предложного дополнения в предложном падеже в примерах (32) и (33). В конце, бенефактив выражается формой предложного дополнения в дательном падеже в примере (33) и творительным падежом в примере (35).

Вместе с девербативом *требование*, образованным от глагола *требовать*, выражаются семантические роли агенса, объекта и источника (*Иван* [агнс] *требовал объяснений* [объект] *у Игоря* [источник]), хотя существуют и такие ситуации, в которых подлежащим выражается эффектор (*Эта работа* [эффектор] *требует времени* [объект]).

(36) Когда отпечатанный оттиск имеет финансовое, политическое или социальное значение, повышенные **требования к защите**, отслеживание и идентификация этого документа имеет критическое значение (*ruTenTen11*).

(37) законодательно закрепленное **требование о проведении** тайного голосования членов квалификационной коллегии судей (*ruTenTen11*).

(38) Наконец Сукачев подчинился **требованию зрителей** и вернулся на сцену (*ruTenTen11*).

(39) Наталья Магнитская обратилась в Следственный комитет России с **требованием возбудить** уголовное дело в отношении Генерального прокурора (*ruTenTen11*).

Агенс выражается в примере (38) формой родительного падежа, но также и в примере (39), где агенс выражен подлежащим (*Наталья Магнитская*). В примерах (36), (37) и (39) наблюдается роль объекта, выражена с помощью предложного дополнения в дательном падеже, предложного дополнения в предложном падеже и инфинитивом соотносительно. Семантической роли источника в примерах нет.

В следующих двух лексемах отсутствует кроме роли пациенса, и роль объекта. Глагол *направить* (> *направление*) обладает ролевой группой агенса, темы и цели (*Иван* [агенс] *направил туриста* [тема] *к вокзалу* [цель]).

(40) **Направление запроса** о судьбе платежа по требованию Клиента (в случае отсутствия вины Банка) (*ruTenTen11*).

(41) При этом в ПО производится любой класс только через его и времени **направления на обработку** (*ruTenTen11*).

(42) **Направление в банки запросов** осуществляется налоговым органом не позднее 5 рабочих дней со дня формирования указанного (*ruTenTen11*).

В примере (40) родительным падежом выражается семантическая роль темы. Тем же падежом тема выражается и в примере (42) вместе с целью в форме предложного дополнения в винительном падеже. В примере (41) наблюдается только цель, выражена формой предложного дополнения в винительном падеже. В примерах не наблюдается агенс.

Глагол *знать* (> *знание*) в настоящей работе относится к группе глаголов, обладающих ролевой группой экспериенцера и стимула (см. разделение 3), но в зависимости от толкования эти роли можно назвать агенсом и объектом соотносительно. Число участников в обоих случаях одинаково.

(43) Для того чтобы, успешно вести бизнес в эпоху всемирной глобализации, уже не достаточно только **знание иностранных языков** (*ruTenTen11*).

(44) я не говорю, что эта передача является источником **знаний о бизнесе** (*ruTenTen11*).

(45) ролевых игр, способствующих воспитанию в учащиеся экономического мышления, позволяющие по-новому оценить **знания учеников** (*ruTenTen11*).

В примере (43) родительным падежом выражается стимул (либо объект), а в примере (45), наоборот, этой формой выражен экспериенцер (либо агенс). Как видимо из примера (44), объект также может получить форму предложного дополнения в предложном падеже.

В продолжении этого раздела отметим возможности выражения семантических ролей в номинализациях и форму их выражения. Что касается возможности выражения участников, следует отметить, что не все роли свободно сочиняются со всеми девербативами. Во-первых, роли, не являющиеся частью ролевой группы глагола, с этим глаголом не могут строить грамматически точные предложения. Следуя из этого, такие роли не наблюдаются ни в случае девербативов. Это подтверждается и настоящим анализом – среди проанализированных примеров не нашлось ни одного такого случая. Во-вторых, не все семантические роли, являющиеся частью ролевой группы, могут свободно сочиняться со всеми девербативами, а именно агенс является более ограниченным, чем другие участники, особенно если речь идёт о ролевой группе агенса и пациенса. С этими глаголами чаще всего выражается пациенс, а интерпретация с агенсом является маловероятной: *Врач лечит Ивана – ?лечение врача; Иван изменил привычки - ?изменение Ивана*. Всё-таки, существуют и глаголы, с которыми кроме пациенса может быть выражен и агенс, например, *решение суда / задачи*. Такие ограничения агенса не наблюдаются, если вместо пациенса идёт речь об объекте. В проведённом нами анализе появились следующие примеры: *требование зрителей, исследования учёных, предложение Роберта*. Данная асимметрия очевидно требует дополнительного исследования. Остальные роли участников в принципе таким способом не ограничиваются – с каждым проанализированным девербативом выражаются все центральные семантические роли, кроме вышеупомянутого агенса. Хотя роли обстоятельств, т.е. адъектов и сирконстантов, достаточно свободно сочетаются с любым глаголом, в настоящем анализе обнаружались только роли места (*изменения оборотного капитала в денежном потоке, проведения презентаций на природе,*

образования за рубежом), цели (направление на обработку) и времени (образования в Токио (Япония) в 1873 г. фирмы).

Форма выражения семантических ролей в номинализациях, по-видимому, является достаточно сложной. Сначала, агенс выражается родительным падежом (*предложение Роберта*), личным местоимением (*Ваше предложение*) и предложным дополнением в родительном падеже (*предложения от банков*). Далее, пациенс выражается с помощью родительного падежа (*образование работников*) и прилагательного (*общественные изменения*), объект – с помощью родительного падежа (*лечения алкоголизма*), предложного дополнения в родительном (*лечение от опухоли печени*), предложном (*исследование о Пандекте*), и дательном падежах (*требования к защите*) и инфинитива (*предложение начать*), а тема – с помощью родительного падежа (*направление запроса*). Роль инструмента выражается формами творительного падежа (*лечение сырыми соками*) и предложного дополнения в родительном падеже (*лечения алкоголизма при помощи эмоционально-стрессовой терапии*), а роль бенефактива – формами предложного дополнения в родительном (*проведение для своих сотрудников корпоративного Нового года*) и дательном падежах (*предложение к владыке*). Экспериенцер получает форму родительного падежа (*знание учеников*), а стимул выражается с помощью родительного падежа (*знание иностранных языков*) и предложным дополнением в предложном падеже (*знание о бизнесе*). Место выражается предложным дополнением в предложном (*проведения презентации на природе*) и творительном падежах (*образования за рубежом*), цель – предложным дополнением в винительном падеже (*направление на обработку*), а время – предложным дополнением в предложном падеже (*образование фирмы в 1873 году*).

Надо подчеркнуть, что родительный падеж является самой частой формой выражения центральных участников (агенс, пациенс, объект, тема, экспериенцер, стимул), а это совпадение значит, что очень часто две главные семантические роли не могут выражаться одновременно одной и той же формой (**исследование учёных климата*). В таких случаях агенс выражается с помощью творительного падежа (*исследование учёными климата*), причём эта форма указывает на базовое предложение страдательного залога. Другими словами, форма выражения семантических ролей зависит от наличия других семантических ролей в номинализации. Далее, в отличие от актантов, формы адъектов и

сирконстантов, по крайней мере тех, которые обсуждались в настоящей работе, в номинализациях не отличаются от форм их выражения в полных предложениях.

6. Заключение

Девербативы, хотя формально являются именами существительными, всё-таки обладают морфосинтаксическими и семантическими характеристиками, не присущими остальным существительным. В число этих характеристик входят аспектуальность – временная характеристика, указывающая на способ протекания ситуации – и особый вид семантической связи между глаголом (девербативом) и его зависимыми элементами, причём эти элементы играют определённую роль в осуществлении обозначенной ситуации – эти роли называются семантическими ролями.

Теория аспектуальности в данной работе в большей степени опиралась на теоретическую концепцию Ю. С. Маслова, особенно на систему иерархических бинарных оппозиций *статических / динамический, предельный / неpredельный, достигающий / не достигающий предела*. Комбинированием этих оппозиций образовались четыре разных вида качественной аспектуальности, т.е. четыре *aktionsarten*: состояние, действие, процесс, событие. К качественной аспектуальности Маслов также относит фазисную детерминацию, но система, использованная в этой работе, в принципе на фазисную детерминацию не сосредоточилась. Также, определились два вида трансформаций качественной аспектуальности: трансформация [ДП +] в [ДП -] и обратно, а также и трансформация [П +] в [П -] и обратно. Кроме качественной аспектуальности Маслов упоминает и количественную аспектуальность, но в данной работе мы не уделяли внимание этим аспектуальным значениям. Всё-таки, более подробный анализ аспектуальности включал бы качественную и количественную аспектуальность одновременно, т.е. то, что Маслов называет способами действия.

Что касается семантических ролей, в работе обсуждалась проблема выделения центральных семантических валентностей, как и самая большая проблема определения разных семантических ролей и их числа. Мы разделили семантические роли на роли участников и роли обстоятельств. Предполагая, что разные уровни дробности ролей могут быть релевантными для разных глаголов и разных языковых феноменов, в работе мы предложили относительно обыкновенный список семантических ролей, причём роль агенса разделили на роли агенса и эффектора, а роль пациенса – на роли пациенса, темы и объекта. Более частотное выражение агенса в девербативах с ролевой группой агенса и объекта, чем

в девербативах с группой агенса и пациенса, намекают на возможность, что эти роли действительно отличаются друг от друга.

Дальше, в работе были проанализированы примеры употребления девербативов с суффиксом *-ние* в аспектуально значимых окружениях и в номинализациях, в рамках которых выражались актанты, адъекты либо сирконстанты ситуации, обозначенной девербативом. Обнаружились лексем, которые в проанализированных примерах вообще не употреблялись в аспектуально значимом контексте, те, которые употреблялись только в имперфективном контексте и те, которые употреблялись в имперфективном и перфективном контекстах. Очень интересным является тот факт, что в примерах не нашлось лексем, употребляющихся только в перфективном контексте, но в настоящей работе не предлагается, что такие девербативы не существуют. Причины этого отсутствия могут быть разными: число проанализированных лексем; число проанализированных примеров; аспектуальное значение суффикса *-ние*. Поэтому более подробный анализ должен, во-первых, обратить внимание на другие деривационные суффиксы, по крайней мере самые частотные (нулевой суффикс, суффикс *-ка*), во-вторых, посмотреть на более объёмный список лексем, поскольку запреты на употребление в аспектуальных значениях определённого типа могут находиться на уровне отдельных лексем. Что касается семантических ролей, было показано, что формы центральных актантов в номинализациях отличаются от их форм в предложениях, а формы адъектов и сирконстантов цели, места и времени в принципе одинаковы в обоих случаях. Кроме этого, способность выражения семантической роли агенса является более ограниченной, чем другие семантические роли участников. В конце, хотя семантические роли обстоятельств в принципе свободно присоединяются к любому глаголу, в номинализациях чаще всего наблюдаются роли времени, места и цели, что указывает на их относительную центральность, хотя бы на уровне прагматики.

Настоящая работа показала, что сопоставительный анализ синтаксическо-семантических характеристик, по крайней мере аспектуальности и семантических ролей, отглагольных существительных и их базовых глаголов является полезным для исследования этих характеристик (аспектуальности и семантических ролей) в общем, как и для предсказания дистрибуции отглагольных существительных в зависимости от

аспектуально значимых слов и словосочетаний и предсказания возможных элементов именных групп с отглагольной вершиной. В конце, показано, что имена существительные обладают большим денотативным потенциалом, причём имеется в виду способность существительных обозначать как лица и предметы, так и ситуации.

7. Список литературы

- Баклагова, Ю. В. (2010). Предельность/непредельность как аспектуальный признак глагольного предиката. В: *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 240-244.
- Бондарко, А. В. (1987). *Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*. Ленинград: Издательство «Наука».
- Горбова, Е. В. (2010). Общая аспектология ю. с. Маслова: из истории отечественной лингвистики. В: *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 144-153.
- Искандарова, Г. Р. (2014). К вопросу о категории *potiua actionis* в лингвистике. В: *Наука и современность*. 178-182.
- Касимова, Г. К. (2008). О многозначности синтаксических дериватов. В: *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 35-39.
- Климонов, В. Д. (2017). Лексические виды в русском языке: субкатегоризация и формальная манифестация. В: *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 56-75.
- Кузнецова, Е. Г. (2009). Экспериенцер как семантическая роль актанта предиката (семантическое толкование). В: *Вестник Челябинского государственного университета*. 82-85.
- Кукатова, О. А. (2021). Типология семантических ролей актантов предикатов в современной лингвистической науке. В: *Вестник Челябинского государственного университета*. 89-97.
- Лузина, Г. Л. (2001). Исследования отглагольных имен существительных в русском языке. (обзор). В: *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал*. 111-123.

- Мамонтов, А. С., Мамонтова, Е. Ю. (2012). Категориально-грамматический компонент в значении девербативов. В: *Русистика*. 50-55.
- Мамонтова, Е. Ю., Морослин, П. В. (2012). Полисемия девербативов и причины ее возникновения. В: *Русистика*. 5-11.
- Маслов, Ю. С. (2004). *Избранные труды. Аспектология, общее языкознание*. Москва: Языки славянской культуры.
- Матросова, И. А. (2009). Проблема классификации семантических ролей в падежной грамматике. В: *Актуальные вопросы современной науки*. 148-160.
- Пазельская, А. Г. (2009). Модели деривации отглагольных существительных: взгляд из корпуса. В: *Корпусные исследования по русской грамматике*. 65-91.
- Пазельская, А., Татевосов, С. (2008). Отглагольное имя и структура русского глагола. В: *Исследования по глагольной деривации*. 348-380.
- Пчелинцева, Е. Э. (2012а). Аспектуальность и глагольная номинализация в русском языке: генеративный, формальный, функциональный взгляд. В: *Język i metoda*. 289-302.
- Пчелинцева, Е. Э. (2012б). Семантический признак кратности в русских отглагольных именах действия. В: *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 63-70.
- Пчелинцева, Е. Э. (2015). Роль имперфективных суффиксов в аспектуальной характеристике отглагольных имен действия в русском языке. В: *Мир русского слова*. 15-20.
- Пчелинцева, Е. Э. (2016). Аспектуальные признаки в русских отглагольных именах действия: Подходы и классификации. В: *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. 108-119.
- Татевосов, С. Г. (2015). *Акциональность в лексике и грамматика. Глагол и структура событий*. Москва: Языки славянской культуры.
- Тестелец, Я. Г. (2001). *Введение в общий синтаксис*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Шведова, Н. Ю. (1980). *Русская грамматика. Том 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология*. Москва: Издательство «Наука».

Шустова, С. В. (2011). Аспекты теории семантической валентности. В: *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 30-34.

Шустова, С. В., Смирнова Е. А. (2015). Теория глагольной валентности в отечественной и западной научной парадигмах. В: *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 119-128.

Fillmore, C. J. (1968). The Case for Case. В: *Universals in linguistic theory*. 1-88.

Fillmore, C. J. (1977). The Case for Case Reopened. В: *Syntax and Semantics*. 59-81.

Pazel'skaja, A. G. (2012). Verbal prefixes and suffixes in nominalization: grammatical restrictions and corpus data. В: *The Russian Verb*. 245-261.

Verkuyl, H. J. (1972). *On the compositional nature of the aspects*. Dordrecht: D. Reidel.

Verkuyl, H. J. (1993). *A theory of aspectuality*. Cambridge: Cambridge University Press.

Словари:

Толковый словарь Ушакова. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>
(дата обращения: 27. 9. 2021.)

Корпусы:

Russian Web 2011 (RuTenTen11)

Russian Web 2017 (RuTenTen11)

www.sketchengine.eu

8. Sažetak

Tema ovog rada jest analiza aspektnosti i semantičkih uloga u kontekstu derivacije. U radu se promatraju mogućnosti i načini izražavanja aspektnosti i semantičkih uloga u konstrukcijama s glagolskom imenicom. U teorijskom se dijelu prvo raspravlja o aspektnosti u kontekstu glagolskog leksika, o vrstama aspektnih značenja i o vrstama i načinima promjene aspektnog značenja. Zatim se promatraju semantičke uloge, njihove vrste i veze između vrsta semantičkih uloga te njihove sintaktičke značajke. Teorijski dio završava raspravom o procesu nominalizacije, a posebna pažnja pridaje se glagolskim morfosintaktičkim i semantičkim značajkama glagolskih imenica. Potom slijedi analiza aspektnosti i semantičkih uloga odabranih glagolskih imenica u primjerima iz korpusa. Rad završava zaključcima izvedenima iz provedene analize te se otvaraju nova pitanja za daljnja istraživanja ove teme.

9. Ključne riječi

aspektnost, semantičke uloge, glagolske imenice, nominalizacija

10. Ключевые слова

аспектуальность, семантические роли, отглагольные существительные, номинализация

11. Životopis

Leon Samac rođen je 21. siječnja 1996. godine u Slavanskom Brodu, gdje je pohađao osnovnu školu „Antun Mihanović“, a zatim Klasičnu gimnaziju fra Marijana Lanosovića s pravom javnosti. Po završetku srednjoškolskog obrazovanja 2014. godine upisuje studij informatike na Odjelu za informatiku Sveučilišta u Rijeci, no već iduće, 2015. godine, upisuje studij Engleskoga jezika i književnosti i Ruskoga jezika i književnosti. 2019. godine upisuje lingvistički smjer diplomskoga studija Engleskoga jezika i književnosti. 2020. godine upisuje prevoditeljski smjer diplomskoga studija Ruskoga jezika i književnosti.